

ANA
LOSKUTOVA

INNERLAND
ПЕРЕСЕЧЕНИЕ МИРОВ

НАСКОЛЬКО РЕАЛЬНО ТО,
ВО ЧТО ТЫ ВЕРИШЬ?

2018

16+

Ana Loskutova

Иннерлэнд: Пересечение миров

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43653948

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-06862-9

Аннотация

В Иннерлэнде возможно все, достаточно лишь представить. Но разум порой рисует довольно страшные картины, способные разрушить привычную реальность. Когда армия чудовищ обрушится на стану, Тёмный Принц встанет на ее защиту. Самые страшные кошмары ворвутся в реальность и останутся в ней навсегда. Но если посмотреть под другим углом, все может оказаться не так уж плохо. Рэй бесследно исчезнет в тот момент, когда он больше всего нужен. Но разве может часть твоей души покинуть тебя? Воплощение зла может оказаться куда человечнее многих, но даже в самой светлой душе способна зародиться Тьма.

Содержание

Пролог	5
Иннерлэнд: Дверь в другой мир	9
Соул: Лица-маски	88
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Посвящается всем, кто способен
видеть немножечко больше.
А также тем, кто верит,
что мы сами творим мир вокруг нас.

Пролог

Солнце только-только бросило свои первые лучи на остывшую после прохладной ночи землю. В это время только изредка можно встретить спешащих на работу прохожих, тесно кутающихся в свои легкие еще кофты. Птицы, толком не проснувшиеся ото сна, запевают свои первые утренние песни. По небу проносятся пышные молочные облака причудливых форм, гонимые легким ветерком куда-то в неизведанные дали. Где-то недалеко, видимо у кого-то из соседей, шумит телевизор, рассказывая сонным обитателям квартиры последние новости. И как обычно диктор с экрана не расскажет ничего нового: где-то снова бастуют рабочие, а где-то цунами разрушило целый город. Какая-то никому не интересная звезда попала в очередной скандал, скоро снова повысят налоги, а страну накрывает очередной циклон дождей. И почему-то ни одной хорошей новости несмотря на то, что сегодня все еще лето, на улице тепло, а налоги по прежнему не изменились.

А если прислушаться еще чуть лучше, можно различить мелодичное шуршание ежика, спешащего в свое укромное убежище после ночной охоты подальше от людских взглядов. Ведь непонятно, порадуются ли они такому колючему прохожему или, напротив, запинают, уничтожая и без того крохотную надежду на выживание.

Чуть дальше, у соседнего дома, неспешно выхаживает пушистый серый кот, внимательно вглядываясь в окружающее пространство и замирая от каждого подозрительного звука, готовый в любой момент сорваться с места и убежать прочь. Вот он замечает одинокого воробья, купающегося в маленькой луже, оставшейся после недавнего дождя, и начинает свою охоту. Делает пару шагов в сторону жертвы и замирает, пригибаясь к земле. Глаза его хоть и не видны из-за столь большого расстояния, но можно предположить, как внимательно он следит за каждым движением ничего не подозревающей птицы. И вот, когда все приготовления к нападению закончены и кот готовится к решающему прыжку, плавно подползая к луже, совсем близко от развернувшейся сцены раздаются громкие голоса. Воробей, явно не ожидавший такого, резко устремляется в небо, а раздосадованный кот обреченно опускается на прохладную сырую землю в ожидании новой добычи.

Из-за угла дома показывается обладательница громкого голоса со своим спутником. Судя по неровной походке, парочка возвращается после ночных гуляний и, кажется, о чем-то спорит. С такого расстояния сложно разобрать о чем именно они говорят, несмотря на относительную тишину вокруг, но тембр их голоса явно превышает допустимую для обычного разговора норму.

Внезапно небо затягивает тучами и сверкает молния, а спустя несколько секунд раздается раскат грома и на землю

падают первые крупные капли летнего дождя, который усиливается с каждым мгновением. Парочка тут же забывает о своем споре и спешит побыстрее укрыться в ближайшем подъезде. Недовольный кот также не желает промокнуть и, следуя примеру нежданных нарушителей его охоты, прячется в подвал того же дома.

Слышен звук закипающего чайника и то, как чашка наполняется горячей жидкостью. Аромат растворимого кофе заполняет пространство вокруг. Да, не самого вкусного, но такого бодрящего и согревающего в прохладное августовское утро. Что может быть лучше, чем стоять у окна и смотреть на такой прекрасный, еще не проснувшийся мир вокруг, держа в руках чашку с ароматным напитком? Чувствовать легкий ветерок, перебирающий волосы, свежий воздух, с непривычки раздражающий ноздри, ловить капли дождя вытянутыми вперед руками и смотреть на уносящиеся вдаль от собственной чашки клубы пара? Затем достать сигарету из кармана хлопковых домашних штанов и, чиркнув зажигалкой, смачно втянуть первую партию губительного дыма, который красивыми клубами постепенно растворится с окружающим миром на выдохе. И смотреть, смотреть на этот мир, на его обитателей, наслаждаясь каждым вдохом, каждым дуновением ветра, каждым запахом и звуком, ощущая, как спокойствие теплым бальзамом разливается где-то в груди... Когда приходит осознание того, что ты часть этого огромного живого механизма, такого разного: временами

стремительно меняющегося, временами до скучного постоянного, иногда грустного, иногда веселого, такого одновременно прекрасного и пугающего, глубокого и наполненного миллионами неизведанных тайн, как и ты сам...

Иннерлэнд: Дверь в другой мир

– А что это за звуки, вон там? – спросила Алиса, кивнув на весьма укромные заросли какой-то симпатичной растительности на краю сада.

– А это чудеса, – равнодушно пояснил Чеширский Кот.

– И.. И что же они там делают? – поинтересовалась девочка, неминуемо краснея.

– Как и положено, – Кот зевнул. – Случаются...

Льюис Кэрролл «Алиса в Стране чудес. Алиса в Зазеркалье»

Теплая августовская ночь уже окутала землю. В комнате было тихо, так тихо, что было слышно как ворочается во сне кто-то из соседей. А еще в комнате было темно, и только несколько слабых проблесков лунного света освещали мое лицо и пространство передо мной.

"Скоро полнолуние", – совсем некстати подумалось мне. Некстати, потому что именно в этот момент я внимательно следила за странными метаморфозами, происходящими со стеной напротив: она покрылась едва заметной рябью, которая увеличивалась с каждой секундой, открывая взору то ли пещеру, то ли тоннель, ведущий в темную неизвестность. Конечно, можно было списать все на мое плохое зрение и отсутствие очков, но по выражению лица любимого, стоящего рядом со мной, я понимала – он тоже это видит. Хотя я как-

то слышала, что галлюцинации бывают массовыми.

Рэй трепетно держал меня за руку, терпеливо ожидая моей реакции.

– Ух ты! – Я восхищенно улыбнулась, повернувшись к нему.

По его обеспокоенному лицу скользнула легкая улыбка.

– Нравится?

– Еще не знаю, – задумчиво протянула в ответ, – а что там, внутри?

– Зайди и узнаешь. – Его улыбка стала чуть шире.

Странно, но наблюдая за столь необычными вещами, мне совсем не было страшно. Скорее легкое возбуждение охватило мое сознание. Дикое любопытство подгоняло сделать шаг в неизвестность. И я поддалась ему, решив не сопротивляться так редко возникающим желаниям. И хотя по логике вещей я должна была просто врезаться в стену, ведь не бывает так, чтобы совершенно внезапно, прямо посреди твоей собственной квартиры, появлялись непонятные тоннели, этого не произошло. Я без проблем преодолела первый метр, затем второй, третий и остановилась осмотреться. Вокруг не было ни единого источника света, но, не смотря на это, я смогла различить слабые очертания множества дверей, расположенных вдоль странного тоннеля.

Вспомнив о том, что любимые ментоловые сигареты остались вместе с зажигалкой на прикроватной тумбе, я уже было повернула назад, но Рэй, видимо слишком хорошо выучив-

ший мои привычки, опередил меня, кинув заветную пачку в еле успевшие подняться ладони.

– Спасибо, – с благодарностью улыбнулась любимому.

– Не увлекайся сильно, – нахмурил темные брови Рэй. – Скоро увидимся.

В очередной раз умилившись его постоянным недовольствам касательно моего курения, я вновь развернулась к тоннелю, лицом к лицу столкнувшись с темнотой.

Неизвестность, впрочем как и фантастичность всего происходящего вокруг, пугала. На секунду даже опять захотелось вернуться назад, в свою уютную комнату, лечь на диван вместе с Рэем и посмотреть очередной бессмысленный фильм. Однако, то ли природное упрямство, то ли пробудившееся так вовремя любопытство, не давали этого сделать. Я только захотела взять Рэя за руку, чтобы проделать этот путь вместе, но обернувшись, поняла, что он так и остался стоять возле новообразованного проема в стене. Несмотря на небольшое расстояние, я уже не могла рассмотреть лица любимого, даже силуэт его казался размытым. Но чувствовала, что Рэй тоже смотрит на меня.

– Ты идешь? – почему-то мне показалось, что я уже знаю ответ.

– Ты должна проделать этот путь сама, – подтвердил он мою догадку, – но я присоединюсь к тебе чуть позже.

– Я буду ждать, – я улыбнулась и пошла дальше – в самую глубь тоннеля.

Мне хотелось заглянуть в каждую дверь в этом странном темном коридоре, исследовать все находящиеся за ними комнаты и залы, проникнуться всеми секретами и тайнами, хранящимися по ту сторону, но что-то заставляло меня игнорировать эти желания и упрямо двигаться к цели. Именно эта, самая дальняя и неприметная из всех дверей отчаянно влекла меня.

“Сюда, скорее. Соул, ты должна поспешить.” – Слышала я ее вкрадчивый шепот. Хотя, возможно, мне это просто казалось.

Несмотря на то что весь коридор занимал от силы тридцать метров, путь к заветной двери растянулся на многие часы и даже дни. Я поняла это, когда ощутила легкое покалывание в мышцах, вызванное долгой ходьбой. Дыхание сбилось, а во рту пересохло, но я упорно продолжала двигаться к цели, изо всех сил борясь с признаками навалившейся усталости, пока, наконец, огромная, потрепанная временем резная дверь не оказалась напротив меня.

В последний раз обернувшись, я внимательно посмотрела на ту часть стены, где в проеме все еще виднелись моя комната и лицо любимого Рэя. Сейчас они казались безумно далекими и едва различимыми. А сам портал, уютно расположившийся прямо в стене моей спальни, постепенно уменьшался, пока не исчез вовсе. Так, мой единственный путь к отступлению был безвозвратно потерян.

С трудом открыв тяжелую дверь и шагнув в неизвест-

ность, я очутилась в невероятно странном месте: вся земля под ногами покрыта черной травой, слегка подрагивающей, будто бы от ветра (которого, впрочем, совсем не было). Небо затянуто хмурыми, такими же черными, как трава, тучами, где-то вдалеке виднеются какие-то то ли холмы, то ли горы – трудно разглядеть с такого расстояния, особенно с моим зрением. Вокруг было совсем тихо и пустынно. Ни единого, даже самого маленького домика, ни одной живой души.

"Может, стоит вернуться" – подумалось мне, но обернувшись, я обнаружила, что дверь, из которой буквально пару секунд назад я вышла, исчезла, как и проем в стене моей спальни.

"Ну что ж, выбора нет." – Прошептала я и сделала первый шаг навстречу пугающе черному миру.

Путь мой продолжался довольно долго. Хотя возможно, мне это только казалось. Вокруг по-прежнему ничего и никого не было, поэтому тяжело было сориентироваться и понять, какое расстояние я прошла. Да и само время, похоже, текло тут немного иначе.

"Как же долго! Почему здесь ничего нет? Может, я выбрала не ту дверь?" – Размышляла я, продолжая идти вперед.

Пройдя еще какое-то время, я наконец увидела что-то выбивающееся из привычного уже пейзажа. Присмотревшись, стало понятно, что передо мной примерно в трехстах метрах, росло раскидистое дерево. Оно было такое же черное, как и все вокруг, а одинокие листья, оставшиеся кое-где на

ветвях, так же, как и трава, колыхались от ветра. Странно, но я смогла заметить эти детали несмотря на довольно большое расстояние, хотя не могу похвастаться не то что хорошим, а даже средним зрением. А все потому, что с рождения страдаю альбинизмом – болезнь хоть и не уникальная, но лечению, увы, не поддается. Но, видимо, у этого места были собственные законы.

Подойдя поближе, я смогла рассмотреть большого черного ворона, сидящего почти на самой верхушке. Он почти сливался с окружающим пространством и мог вполне сойти за одну из ветвей дерева, если бы не ярко красные, будто пылающие пламенем, глаза, пристально смотрящие на мою (или мне это просто кажется?) приближающуюся фигуру.

– Ну наконец-то, – услышала я недовольный голос и вздрогнула от неожиданности. Покрутив головой в поисках говорившего и никого не обнаружив, снова повернулась к странной птице.

– Это вы сказали?

"Кажется я начинаю сходить с ума, раз пытаюсь разговаривать с птицей."

– Я, – в голосе ворона чувствовалось явное превосходство. – И, между прочим, я очень давно тебя жду.

– Меня? Зачем? – А мне-то казалось, что удивляться уже нечему.

– Неужели непонятно? Я здесь, чтобы ответить на твои вопросы, Соул. И, если они у тебя еще остались, прошу задать

их как можно быстрее, я и так уже порядком задержался, – ворон деловито посмотрел на крошечные часы, пристегнутые к его лапке.

Вопросов в моей голове скопилось такое огромное количество, что сложно было решить, какой задать первым. Что это за место? Почему здесь все такое черное и пустое? Откуда он знает мое имя? Как мне вернуться домой? Смогу ли я вообще когда-нибудь туда вернуться? Как так получилось, что птица умеет разговаривать и откуда у нее на лапе появились часы? Мне так хотелось спросить обо всем этом, а главное – услышать вразумительные ответы, что когда я открыла рот, весь поток мыслей вылился в какое-то непонятное мычание.

– Что ты сказала? – Переспросил ворон.

– Кто вы? – Немного успокоившись спросила я, решив, что нам все же стоит познакомиться прежде, чем я обрушу на так любезно ждавшего меня незнакомца весь список вопросов.

– Я – это все. И в тоже время я – ничто. Впрочем, как и ты сама. – Серьезно ответила птица, и добавила, – но ты можешь звать меня Брайнсом.

– Как можно быть ничем и всем одновременно? – Его ответ настолько удивил меня, что я напрочь забыла все правила этикета.

– Все очень просто, – сказал ворон, – в этом мире, таком огромном, что ты себе даже представить не можешь, ты

– ничто. Не имеет никакого значения, есть ты или нет. От этого ничего не изменится. С тобой или без тебя мир будет существовать, подчиняясь своим собственным законам, расширяясь и развиваясь. Но в тоже время ты есть все, потому что тот мир, каким его видишь именно ты – исключителен и уникален, он подчиняется только твоим законам, растет и развивается вместе с тобой. Ты можешь управлять им, создавая все, что угодно!

– Но если вы – это все, то что же тогда Бог?

– Бог – это я. И ты тоже Бог, просто пока еще не осознаешь этого.

– Но как же так? Я не могу быть Им. Я не умею творить чудес: делать вино из воды, создавать миры или лечить болезни.

Я искренне не понимала, что пытается сказать ворон. Все мое детство мать старалась вырастить меня глубоко религиозным человеком и, надо сказать, до поры до времени ей это удавалось. Конечно, повзрослев и уехав жить в другой город, я перестала так свято верить в Бога и его безмерную мощь. Впрочем, немалую роль тут сыграла и моя любовь к чтению – поглощая одну книгу за другой, я открывала для себя все больше новых и захватывающих граней вселенной, ставящие под сомнение многие религиозные постулаты. Однако долгие годы слепой веры наложили на меня свой отпечаток, поэтому мне было крайне сложно понять то, о чем говорит эта странная птица, и еще сложнее – принять это.

– Все очень просто. – Продолжил свою речь Брайнс. – Вот представь: в твоей голове роятся сотни мыслей. Зачастую бывает очень сложно даже проследить каких именно, откуда они возникают и куда исчезают в итоге. Но вот, совершенно внезапно, ты вылавливаешь из этого водоворота одну, показавшуюся тебе наиболее интересной, пугающей или правдоподобной. Хотя о какой правде мы можем говорить, когда все происходящее вокруг, все, что ты видишь и слышишь – всего лишь проекция твоего сознания? – В сердцах потерял нить повествования ворон, но, помолчав пару секунд, продолжил. – Так вот, цепляешься ты за эту мысль и думаешь, думаешь.... Постоянно прокручивая разные ее вариации в своем сознании и, рано или поздно, какой бы безумной эта мысль ни была, ты начинаешь в нее верить. Вначале ты начинаешь замечать маленькие совпадения, затем, смотря через призму уже не мысли, а навязчивой идеи, видишь все больше подтверждений ее правдивости, а после весь мир вокруг тебя меняется, становится живым воплощением безумия твоего разума. А если научиться управлять этим процессом, то можно менять абсолютно все вокруг. Тогда ты сможешь видеть, чувствовать и слышать только то, что сама захочешь, независимо от того, что происходит на самом деле. В этот самый момент ты становишься Богом. Во всяком случае так происходит в этом мире. – Брайнс немного помолчал, давая время на переработку информации, и добавил, – но даже здесь есть свои правила и лучше тебе их не нарушать без

серьезных на то причин.

Пребывая в легком ступоре, я задумалась над его словами. То, что говорил мой новый знакомый почему-то вызывало у меня явные ассоциации с поведением моей матери. Хотя, впрочем, не только ее, но и большинства верующих людей, ищущих божественные знаки и предзнаменования во всем вокруг, подстраивающих всю свою жизнь под рамки религиозных убеждений, смотрящих на мир через призму своей веры. От этого стало немного не по себе, ведь в таком свете мысли ворона обретали смысл. Очень захотелось проверить, действительно ли все работает так, как только что описывала птица. Закрыв глаза, я попыталась понять о чем сейчас думаю и выбрать самую волнующую и навязчивую мысль. Как назло в голову ничего не лезло. Потом вдруг вспомнилось, что когда-то давно, будучи еще ребенком, я мечтала (нет, нет! Вы не подумайте о том, что я хотела стать принцессой и выйти замуж за принца!). Я всего лишь мечтала о роскошных рыжих волосах, такого теплого и солнечного цвета, чтобы все, глядя на них, невольно вспоминали о летнем солнышке. Мне – обладательнице белой, почти бесцветной шелюры и таких же бровей и ресниц, всегда хотелось прочувствовать, каково это – быть яркой. Хотя с нынешним разнообразием красок для волос я конечно давно могла перекрасить свои белоснежные локоны и перестать быть белой вороной (в самом прямом смысле этого слова), но что-то меня все время останавливало. Конечно, я часто слышала наставле-

ния моей матери о том, что нужно ценить то, что дал тебе Бог и быть благодарной за это. Но не думаю, что на мое решение повлияли ее слова. Скорее всего где-то на уровне подсознания я всегда понимала, что только благодаря своей болезни я становлюсь сильнее, настойчивее и целеустремленнее. К тому же, хорошо это или плохо, такая экзотичная внешность привлекала достаточно много внимания, что позволило мне не раз подрабатывать фотомodelью, когда я очень нуждалась в деньгах. Но раз уж все в этом мире нереально, мне захотелось хоть на минутку почувствовать себя кем-то другим, кем-то более нормальным, чем я сама.

"Была не была" – решила я и, крепко зажмурившись, начала думать о том, как я заплетаю роскошную рыжую косу, сидя на своей кровати: прядь к пряди, волосинка к волосинке. Коса получилась длинной, достигающей почти до копчика. Внутри как-то сразу стало теплее.

– Открой глаза,– услышала я далекий голос ворона. Но сделав то, о чем он просит, обнаружила птицу все так же сидящей на ветви дерева напротив. – А теперь посмотри на свои волосы.

Снова повиновавшись, я ахнула – длинные солнечно-рыжие пряди рассыпались по моим плечам и спине. Точно такие же, как я минуту назад представляла в своих мечтах.

– Теперь ты понимаешь, что можешь абсолютно все? Достаточно только представить что-то и (ву-а-ля!) ты это получишь.

– Все-все?

– Все-все.

– А если я захочу чего-то невозможного? – Я все еще не могла отойти от шока.

– Ты все еще веришь, что есть что-то невозможное? – В голосе ворона слышалась явная насмешка.

Как-то очень резко захотелось покурить. "Кажется у меня началась шизофрения, – подумалось мне. – Или все же я немножечко Бог?"

Соул: Туман воспоминаний

Для того чтобы жить, человеку нужны воспоминания, как топливо. Всё равно какие воспоминания.

Дорогие или никчемные, суперважные или нелепые – все они просто топливо.

Харуки Мураками "Послемрак"

Солнце нещадно слепило глаза, а резкие порывы прохладного ветра заставляли прохожих плотнее кутаться в свои уже весенние куртки. Март – странный месяц: только покажется, что наконец-то пришла весна, как на землю обрушится очередной шквал снега или, что еще хуже, ледяной дождь. Безжалостный ветер все сильнее пробирался под шерстяную ткань пальто, вызывая волну дрожи по телу и заставляя плотнее кутаться в шарф. Плотная вязаная ткань, пусть и немного, но спасала от холода, а наушники с включенными на всю громкость басами, как всегда, создавали невидимый постороннему глазу защитный вакуум, спасающий от окружаю-

щих людей и звуков, от которых временами мороз бежал по коже.

Сегодня на улице было немного людей, но даже они, проходя мимо меня, оставляли легкие мурашки на коже. Нахождение в этом логове бездушных кукольных масок-клонов вызвало приступы тошноты, бороться с которыми с каждым шагом становилось все сложнее. Но я упорно продолжала идти вперед по узкой дорожке тротуара, стараясь смотреть только себе под ноги, хотя многие бы на моем месте оценили красоту пейзажа вокруг, в котором старинные здания века эдак восемнадцатого умудрялись гармонично сочетаться с современными высотками и торговыми центрами, разросшимися на улицах города за последние десять лет, как грибы в лесу после дождя. Двигалась я бесцельно, сама не понимая, куда несут ноги. Но сидеть в душной однокомнатной квартирке было уже до того тошно, что вызываемые присутствием незнакомых людей спазмы казались сущим пустяком.

Поправив солнцезащитные очки – мой обязательный атрибут при ярком солнце – я вот уже третий раз за последнюю минуту посмотрела на дисплей мобильного. Рэй по прежнему не звонил. Поразмыслив, снова нажала на кнопку вызова и приложила телефон к уху. “На данный момент абонент находится вне зоны действия сети. Вы можете оставить...” Дослушивать фразу до конца я не стала, нажав на сброс.

С самого утра я пыталась выяснить, куда же пропал мой любимый. Обычно он предупреждал меня о том, что ему

срочно нужно куда-то уйти, но, учитывая раннее время, вполне вероятно, просто не захотел будить меня в этот раз. Убедив себя в правильности собственных выводов, я не спеша собралась на работу. Сейчас часы на экране мобильного показывали двенадцать. Прошло уже пять часов, а Рэй все не звонил. Телефон все так же выключен, сообщений нет, а страница в соцсети упрямо не желает засветиться спасительной надписью “online”.

“Куда же ты пропал, Рэй?”

Завибрировавший в руке телефон заставил меня вздрогнуть. На дисплее высветился номер Леи – моей университетской подруги и нашей общей с Рэем знакомой.

– Ну наконец-то, Соул, – встревоженным голосом отозвался динамик, как только мой палец коснулся кнопки “принять вызов”. – Я позвонила, как только узнала. Соул, мне так жаль... я как раз проведывала маму в больнице и тут... Такое несчастье.

– Лея, успокойся. Ты можешь нормально объяснить, что случилось? – Ее голос и речь были настолько сбивчивыми, что понять, о чем она говорит, было невозможно. Но где-то в районе желудка все стянуло в тугий узел от неприятного предчувствия.

– Рэй, авария, я как раз выходила из больницы, когда приехала скорая, – задыхаясь прокричала подруга и уже чуть тише добавила. – Приезжай скорее.

Когда до моего сознания наконец дошел смысл ее слов, пе-

ред глазами резко помутнело. Еще через секунду стало трудно дышать. В ушах заевшей пластинкой звенела лишь одна мысль: “нужно срочно ехать к Рэю”. Внезапно к горлу подступил тошнотворный ком утреннего завтрака, нороящийся вырваться наружу. Моих сил хватило лишь на то, чтобы сделать пару шагов до ближайшей клумбы, чтобы успеть ухватиться за росшее там дерево.

В трубке по прежнему что-то сбивчиво говорили.

– Адрес, – только и смогла выдавить из себя, сглотнув вновь подступающий к горлу отвратительный на вкус комок.

Собственный голос показался каким-то чужим, хриплым и тихим. В трубке снова что-то ответили и нажали на сброс. Спустя минуту экран засветился новым сообщением. В нем была только одна строчка – адрес клиники.

Таксист как назло попался очень медлительный и (что было еще более странно) соблюдал все правила дорожного движения, несмотря на все мои попытки подогнать его. Усугубляло положение огромное количество пробок. Время близилось к обеду. Я нервно теребила в руках телефон, мечтая побыстрее добраться до больницы. За окном то и дело мельтешили дома и люди, сливаясь в сплошное серое пятно и усиливая без того сильное головокружение. Каждый метр, приближавший меня к Рэю, заставлял сердце стучать быстрее. Я так боялась опоздать.

С громким хлопком закрывая дверь авто и вбегая в светлые коридоры больницы, почти сразу пришло осознание –

мои самые страшные, загоняемые всю дорогу в самую глубь сознания, мысли оказались убийственной реальностью. Я опоздала. Я поняла это как только услышала громкий плач и, повернув голову в сторону коридора, увидела рыдающую мать Рэя и его отца, с гримасой невыносимой боли, прижимающего женщину к своей груди.

В тот момент внутри что-то оборвалось и рухнуло в район желудка. Ноги подкосились и я осела на холодный и стерильный больничный пол. Кажется я кричала, потому что спустя несколько минут вокруг меня уже бегала толпа людей: санитары, родители Рэя, Лея. Все они суетились и что-то говорили, потом меня доволокли до стула и вручили какие-то таблетки и стакан с водой. Я смотрела на них и совершенно не понимала, почему они тратят время на меня. Ведь это Рэй сейчас нуждался в помощи, это его привезли после аварии. Я пыталась объяснить это, но в ответ слышала только тихий шепот: “Все будет хорошо, Соул. Ты справишься. Мы все справимся.”

Кто-то, поглаживая по спине, заставил выпить таблетки и, спустя пару минут, меня поглотило спасительное беспамятство.

Последующие несколько дней прошли словно в тумане. Отчетливо помню лишь день похорон, когда красивое и умиротворенное лицо Рэя спрятали от всего мира под обтянутым алым шелком деревом и двухметровым слоем земли. Я будто оцепенела: не получалось ни заплакать, ни закричать.

Сил хватало только на то, чтобы слегка подрагивающими и побелевшими сильнее обычного пальцами удерживать тлеющий окурок и периодически делать рваные затяжки, травя и без того истощенный организм никотином. После той единственной сцены в больнице я вообще перестала реагировать на внешние раздражители и просто смотрела на все затуманенным взглядом, надеясь, что это – всего лишь дурной сон. Только спустя день после похорон, когда тишина нашей общей квартиры стала невыносимой, пришло осознание реальности происходящего – тогда то у меня и случился новый приступ. Благо его свидетелем стал лишь мой старенький ноутбук, иначе было бы не избежать новой порции таблеток и сочувствующих взглядов.

Несколько дней я не выходила из дома, бесцельно бродя по комнатам в футболке любимого, засыпая в обнимку с его подушкой и питаюсь лишь остатками того, что нашла в холодильнике, а когда закончились и они – пила только воду из под крана.

Оцепенение покинуло меня внезапно. В какой-то момент я просто очнулась стоя напротив большого зеркала, вмонтированного в дверь шкафа, с чашкой чая в руках.

“У меня еще остался чай?”

Видимо в сознание меня привел мой мягко говоря непрезентабельный вид. То, что смотрело на меня из зеркала, больше напоминало не живого человека, а полуразложившийся скелет: торчащие скулы и ключицы просвечивались

сквозь тонкий слой кожи, пижамные штаны и футболка, все в пятнах от еды и кофе, даже при всей моей любви к вещам оверсайз, стали непозволительно большими, длинные серебристые волосы приобрели болезненно серый оттенок и спутались так сильно, что местами напоминали дреды, всегда бледная кожа, стала почти прозрачной, а под глазами залегли огромные темные круги – явный признак нездорового сна. Я никогда не считала себя особо привлекательной, хотя мама всегда убеждала меня в обратном. Впрочем, большинство родителей считает свое чадо самым прекрасным на свете. Но думаю, даже у нее, увидев во что я сейчас превратилась, язык бы не повернулся назвать меня красавицей.

Будто услышав мои мысли, зазвонил телефон, сообщая о входящем от матери.

– Алло, – слышу облегченный вздох в трубку.

– Соул, милая, с тобой все в порядке? – Взволнованный голос родителя, заставляет тело напрячься.

– Все хорошо, мам. Честно. – Добавляю для убедительности.

– Я позвонила, как только узнала. Мне так жаль. Такая молодая и милая девочка и такое несчастье.

Удивленно вскидываю бровь: “О чем она?”. Озвучиваю свой вопрос вслух.

– Ну как же? Ты разве не знаешь? Твоя подруга – Эмма, она скончалась.

Снова появляется ощущение, что все это дурной сон. А

мать тем временем продолжает, не услышав никакой реакции.

– Я думала ты знаешь. Вы же так дружили в институте. Правда потом, после...кхм... – замялась она, подбирая подходящее слово, – после того инцидента, вы давно не виделись. Но я думала, тебе сообщили...

В этот момент в голове будто открыли кран и воспоминания последних лет стремительным потоком потекли в мое сознание.

Я училась уже на третьем курсе, когда к нам перевелась веселая и дружелюбная брюнетка. Она влетела в аудиторию ровно по звонку и с шумом плюхнулась на стул возле меня, доставая тетрадь для конспектов. Сказать, что я удивилась будет недостаточно – несмотря на то, что после школы издеваться над моей странной внешностью перестали, мое вечно угрюмое и молчаливое настроение явно не располагало к общению. Поэтому за все годы обучения никто и никогда не садился рядом со мной.

Видимо что-то в моем взгляде подсказало новенькой, что ее присутствию не очень обрадовались – она наконец справилась со своей сумкой и подняла на меня свои огромные карие глаза.

– Не возражаешь? – Мило улыбнулась девушка.

– Хм... – “Могла спросить прежде, чем раскладывать свои вещи”.

– Меня зовут Эмма. – Все также улыбаясь, она протянула

руку.

– Соул, – нехотя ответила я, проигнорировав приветственный жест.

От дальнейшего диалога меня спас преподаватель, так вовремя зашедший в аудиторию. Началась лекция. Эмма что-то старательно конспектировала в блокноте, а я внимательно разглядывала свою соседку: хрупкая, но, кажется немного выше меня, она сосредоточенно покусывала колпачок от ручки в перерывах между записями, а когда ручка использовалась по назначению – пухлую нижнюю губу. Взгляд темных глаз, подведенных тонкими стрелками, быстро бегал по странице, пытаясь уследить за буквами, но им то и дело мешали падающие на лоб пряди длинных черных волос. “Красивая” – все что вертелось в моей голове.

В тот день я так и не сделала ни одной записи.

Примерно месяц прошел с того дня, а Эмма все так же садилась рядом со мной, мило улыбалась и рассказывала какие-то несущественные мелочи. Весь месяц я тайком наблюдала за ней, впитывая каждый жест, каждую эмоцию на красивом, слегка загорелом после летнего отдыха лице, и каждый раз мое сердце трепетало.

Когда Эмма впервые предложила прогулять пары, я согласилась лишь потому, что слишком устала от одиночества. Но я ни разу не пожалела о своем решении – это был самый яркий и наполненный эмоциями день за все мои двадцать лет жизни. Мы гуляли по парку, ели одну сахарную вату на

двоих, катались на колесе обозрения. Когда мы пробирались через огромную очередь к очередному аттракциону, Эмма взяла меня за руку и не выпускала пока мы благополучно не взошли на борт американских горок. Она улыбалась и шутила, а ее карие глаза блестели лихорадочным огнем. В тот день я поняла, что хочу поцеловать Эмму.

Моя мечта осуществилась совершенно неожиданно – в один из дождливых ноябрьских дней. Дождь настиг нас совершенно внезапно – обрушился холодным ливнем, промочив насквозь всю одежду за пару минут. Как сейчас помню, как Эмма взяла меня за руку и звонко смеясь побежала к ближайшему крыльцу. Ее рука была теплой и, несмотря на влажность, приятной. Когда мы наконец остановились отдышаться, укрытые небольшим выступом крыши от ледяных капель, и я смогла взглянуть в лицо своей первой и единственной подруги, мое сердце пропустило удар. Она была прекрасна – темные волосы намокли и прилипли к лицу, неизменные стрелки на глазах темными ручейками стекали по щекам, пухлые губы жадно вдыхали прохладный воздух, а рука все еще крепко сжимала мою ладонь.

Заметив мой взгляд, Эмма замолчала. Ее лицо стало задумчивым и серьезным. Несколько секунд, показавшихся мне вечностью и заставивших затаить дыхание, она внимательно рассматривала меня, видимо что-то решая. А потом просто сделала шаг навстречу и накрыла мои подрагивающие от холода и мокрые от дождя губы своими. В тот мо-

мент я поняла, что окончательно и бесповоротно влюбилась в Эмму.

Разбрызгивая воду под ногами, мы бежали, прикрывшись сумками от дождя и весело смеялись. А добежав наконец до квартиры, лихорадочно снимали друг с друга промокшую насквозь одежду, попутно согреваясь объятиями и поцелуями. Эмма была приятной и теплой, несмотря на ноябрьский холод. Она податливо выгибалась навстречу прикосновениям и все так же покусывала нижнюю губу. Стоя под горячим душем, мы согревали друг друга так, как могут греть лишь влюбленные. В тот день я впервые поняла, что значит быть абсолютно счастливой.

Время неумолимо бежало вперед. Первые листья то и дело вздрагивали от порывов еще прохладного весеннего ветра, снег уже растаял, а земля постепенно покрывалась тонким слоем свежей травы. Приближался апрель. Раньше я любила весну – время обновлений и прилива сил. В этот год все изменилось.

Эмма как обычно ярким пятном ворвалась в аудиторию, лучезарно улыбаясь и перебрасываясь приветствиями с одноклассниками. Она как обычно заняла место за последним столом рядом со мной. Как обычно достала блокнот и несколько ручек. Все было как обычно, но смутное ощущение внутри желудка говорило мне о том, что что-то произошло. Что-то, чего я не хотела знать.

Эмма дольше обычного занималась приготовлениями к

паре, избегая встречаться со мной взглядом. И только когда ручки несколько раз были поудобней перемещены на столе, а блокнот перелистан вдоль и поперек, подняла на меня виноватый взгляд.

– Как прошла поездка домой? – Спросила она нарочито весело.

– Эмма, что случилось?

– Все в порядке, – она говорила, а внутри меня все больше и больше разрасталась тревога.

– Я же вижу что то-то не так.

– Знаешь, пока тебя не было я ходила на вечеринку к друзьям. – Вздохнув, брюнетка опустила взгляд и уже глядя на свои ладони продолжила, – Соул, у меня появился парень.

Тук, тук, тук.

Сердце пропускало удары, больно сжимаясь в груди. Я молчала, не находя нужных слов.

– Он такой классный, Соул. Правда! Он непременно тебе понравится. – Наконец она решилась поднять на меня счастливый, но немного затравленный взгляд.

– Я думала ты меня любишь, – наконец справившись с комком в горле, прошептала я.

– Конечно я люблю тебя!

– Тогда почему?!

– Но ведь это просто эксперименты молодости, разве нет? Мы же обе девушки, и мои родители... – Видимо что-то в выражении моего лица изменилось, заставив ее замолчать.

Она аккуратно дотронулась до моей руки и только тогда я заметила, что мои ногти почти до крови впились в бледную кожу собственной ладони.

– Соул, с тобой все в порядке? – Обеспокоенно спросила моя уже бывшая возлюбленная.

– Я пожалуй поеду домой.

Выдернув руку и быстро закинув вещи в сумку, я направилась к выходу из аудитории.

– С тобой точно все в порядке? Давай я тебя провожу.

– Не стоит. – Ответила не оборачиваясь и, прикрыв дверь, кинулась прочь из здания.

Не контролируя собственные действия, я бесцельно бродила по улицам, то и дело натываясь на прохожих, а оказавшись недалеко от одного из сигаретных киосков, остановилась. Почему-то вспомнились наставительные беседы матери и категоричный запрет на курение. Сейчас мне это показалось безумно смешным.

Поразмыслив немного и купив пачку ментолового лекарства, я сделал затяжку и закашлялась. Непривычные ощущения в горле понемногу возвращали к реальности, заставляя вновь почувствовать себя ненужной. Дым неприятно раздражал горло, но я упрямо продолжала вдыхать никотин в надежде на облегчение, которое так и не наступало. В тот день я впервые закурила.

Дальше было много слез и текилы, бессонных ночей и скандалов с матерью. Когда я, спустя две недели, вернулась

в институт, Эмма все так же жизнерадостно болтала с одногруппниками, но больше не садилась рядом со мной. Место за моим столом, как и в моей душе, снова опустело.

Бесконечные дни складывались в недели. Апрель подходил к концу. А надежда на мимолетность отношений Эммы и ее нового возлюбленного постепенно таяла. Последним событием, убившим ее окончательно, стал увиденный мной поцелуй на пороге университетского корпуса. Эмма выглядела такой счастливой, но внутри меня все сжималось от боли. Это был последний день, когда я появилась в институте.

Мама, конечно же, стала подозревать что что-то случилось, и задавать много лишних вопросов, но ответ всегда был один: “Все в порядке”. О том, что все совсем не в порядке она узнала уже в июне, когда ей позвонили из деканата и любезно сообщили о том, что меня отчислили. Было много криков и ругани, а потом, когда мама приехала забрать меня домой — слез. Ей очень не понравилось мое состояние: бессонница, апатия, отсутствие аппетита – то, что удалось заметить сразу. А после принудительно похода в больницу обнаружился еще целый список неутешительных диагнозов, среди которых крупными буквами значился нервный срыв.

За неимением хорошей клиники в родном городе на семейном совете, в котором я впрочем не принимала никакого участия, было принято решение оставить меня здесь. Так, спустя три дня с момента посещения врача, меня со всеми необходимыми вещами поместили в одно из отделений пси-

хиатрической больницы.

Мое сознание отказалось как-либо реагировать на произошедшие изменения, а в голове раз за разом прокручивался наш последний с Эммой разговор, цепляясь за одну единственную фразу: “Мы же обе девушки”. Тогда я отчаянно захотела стать парнем.

С того дня, как меня исключили прошло уже два года. За год до этого, также весной, я познакомилась с Рэем и мой мир снова заиграл красками. За это время я видела Эмму всего один раз – мы гуляли в парке и случайно столкнулись с ней и ее парнем. Тем самым, который стал причиной нашего расставания. Она была все так же красива и мила, но теперь мое сердце билось спокойно.

Помню, Эмма тогда очень удивилась увидев нас, но все же, как и раньше, приветливо улыбнулась и попросила сфотографировать их на фоне колеса обозрения.

– Тогда и ты нас сфоткай потом, – улыбнувшись, попросила я.

– Кого вас? – Она выглядела слегка растерянной.

– Ну как же? – Удивилась я. – Меня и моего парня Рэя.

Эмма как-то странно посмотрела на меня, видимо удивляясь тому, что я с кем-то встречаюсь, тем более с парнем, но отказывать не стала.

– Странная у тебя подруга, – сказал Рэй, после того, как мы попрощались.

– А мне кажется, что она очень похожа на тебя, – улыбну-

лась в ответ.

И вот теперь, когда я снова полюбила весну, она опять отняла у меня смысл жизни. Как будто кто-то там наверху отчаянно не желал, чтобы это время года было для меня счастливым.

– Соул, ты меня слышишь? – Голос матери вернул меня к реальности. – Может, мне приехать?

– Не нужно, мам – я вздохнула, стараясь сдержать слезы. – Просто это так странно...

– Что странно, милая?

– Что их обоих не стало весной.

– Кого их? – В голосе матери слышалось явное беспокойство. – Кого еще не стало, Соул?

– Рэй, мам. Мой парень... – снова тяжелый вздох. – Он умер.

– Соул, – как-то подозрительно сочувствующе зазвучал ее голос, – но у тебя нет парня...

Тук, тук, тук.

Мокрые дорожки потекли по щекам. Все-таки не сдержалась. Внутри закипал гнев.

– Мам, ты что издеваешься? Мне и так больно? – Уже не сдерживая рыданий, кричу в трубку. – Мы были вместе целый год! А теперь, когда Рэя не стало, ты говоришь такие страшные вещи.

Под конец фразы мой голос сел, поэтому она прозвучала почти шепотом с легкими хрипящими нотками.

– Милая, как давно ты не принимала лекарства? – Очень тихо спросила мама.

Повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь моими редкими всхлипами.

* * *

Я с ужасом открыла глаза, пытаюсь понять где нахожусь. Солнце беспощадно слепило, пробиваясь сквозь неплотно закрытые шторы. Щеки неприятно пекли и, проведя ладонью по лицу, я ощутила мокрые дорожки слез на пальцах. Быстро стерев их тыльной стороной руки и все еще щурясь в попытке сморгнуть остатки соленых капель, я посмотрела на спящего рядом Рэя. Он лежал на спине, сбросив одеяло на пол и немного хмурясь во сне. Он был жив.

“Слава Богу, это всего лишь плохой сон”, – с облегчением вздохнула я и опустила голову на любимую грудь.

“Тук-тук, тук-тук” – слышала я биение его сердца и снова слезы мокрыми дорожками потекли по щекам. Рэй заворочался и приоткрыл глаза.

– Эй, ты чего? – Спросил он, почувствовав влагу на своей груди, и мягко погладил меня по волосам.

– Все хорошо, – я улыбнулась и крепче прижалась к Рэю, боковым зрением замечая размытые очертания нашей совместной фотографии на фоне колеса обозрения, стоящей на прикроватной тумбе и свое жутко исхудавшее за одну ночь

лицо в отражении стекла.

Иннерлэнд: За другими дверями

Если и есть на свете такая штука, как абсолютное счастье, то это ощущение, что ты – в правильном месте.

Фэнни Флэгг “Жареные зеленые помидоры в кафе Полустанок”

“Интересно, как чувствовал себя Маугли, когда впервые встретил другого человека? Был ли он растерян, удивлен, взволнован, напуган? Или испытывал все эти чувства сразу?” Мне кажется, сейчас я была прямо как этот выращенный в джунглях мальчик, которому только что сказали, что он человек.

Я стояла напротив черного, почти безжизненного дерева, вокруг, как и прежде, не было ничего, кроме черной травы и далеких гор, разрывающих темно-серые облака своими черными величественными пиками. Мысли метались и шумели в моей голове, как растревоженный рой пчел. “Почему мне не рассказали об этом мире раньше? Это же так круто – выглядеть как хочешь, быть кем хочешь, окружать себя теми вещами, которые тебе дороги, людьми, которых ты любишь. Убрать из жизни все лишнее, раздражающее, отнимающее и без того быстротечное время. Быть Богом... Неужели такое действительно возможно?”

С детства мама внушала мне, что существует некая высшая сила, именуемая Богом, которая наблюдает за нами: за-

щищает от бед, поощряет за хорошие поступки и непоколебимую веру, наказывает за грехи. Именно Бог, по её словам, дарует и забирает жизни, посылает испытания, чтобы проверить нашу веру, и жестоко карает за непослушание. И слова эти подтвердились не только батюшкой в местной церкви, но и ценнейшей духовной реликвией христиан – Библией.

Мне же Бог всегда представлялся таким суровым старцем, способным делить людей на добрых и злых, совершенно забывая при этом, что общество само воспитывает своих злодеев (впрочем, как и героев) и не всегда человек по собственной прихоти выбирает тот или иной путь. И я бы могла смириться со всей несправедливостью божьего промысла, если бы он не был столь жестоким.

Позже, наблюдая за жизнью окружающих, видя их боль и страдания, я перестала верить в Бога. Произошло это не потому, что я нашла какие-то веские аргументы, опровергающие его существование, а потому, что мне просто не хотелось верить в то, что Бог с таким цинизмом и безжалостностью просто наблюдает за человеческими страданиями или, что еще хуже, сам заставляет людей страдать. И сейчас, находясь в этом странном месте, дающем невообразимые способности, я не знала что мне делать и как себя вести. Но я точно знала, что не хочу быть таким Богом, о котором мне рассказывала в детстве моя мать.

– И долго ты еще будешь стоять тут с таким лицом? – Голос ворона вернул меня к реальности. Конечно если проис-

ходящее можно было так назвать.

Только сейчас я заметила, что мои глаза слезятся, а побелевшие сильнее чем обычно костяшки пальцев сжимают края длинной черной футболки.

Разжав пальцы, я осознала, что все это время была в привычной домашней одежде. “Неловко-то как получилось... Интересно, нормально ли это – гулять в чужом мире в пижаме и тапочках?” – Пока я размышляла над уместностью своего внешнего вида, Брайнс снова возмутился:

– Ох, вечно приходят сюда всякие... км, люди. Неужели твои мыслительные процессы настолько слабы, что тебе необходимо так много времени, чтобы переварить услышанное?

– Может, вы прекратите оскорблять меня? Я бы на вас посмотрела, будь вы на моем месте! – захотелось стукнуть эту надменную птицу, да так сильно, чтоб она свалилась с дерева.

– Пфф... ты же понимаешь, что такое никогда не случится?

“Господи, за что мне все это? Что этот ворон о себе возомнил? Конечно я не гений, но не настолько же глупа, как он думает! Да любой бы на моем месте впал в ступор от всего происходящего....”

– Впрочем, ты же человек. А люди обычно не отличаются особым интеллектом, – добавил Брайнс. – Хотя Рэй, пожалуй, исключение. Довольно умный парень и не тратит время

на глупые вопросы.

– Ты знаешь Рэя? – При упоминании о возлюбленном, я даже забыла о вежливости.

– Конечно знаю.

“Кажется эта птица считает меня умственно отсталой.”

– Он частый гость в этом мире.

– А где он сейчас? Почему он сам не рассказал мне все это? Зачем отпустил меня одну?

Во рту появился легкий привкус металла – кажется я слишком сильно прикусила губу. Дурацкая привычка.

– Он уже здесь и ждет тебя в Башне Вечности. – Взмахнув крылом, Брайнс остановил еще не сорвавшийся с моих губ вопрос. – Ты встретишься с ним, но только после того, как сама исследуешь этот мир и поймешь его законы.

– Какой мир? Какая башня? Вокруг ничего нет, кроме этого дерева и пустынных полей! – Оставалось только сделать “фэйспалм”. И это меня он называет глупой.

– А ты присмотришься внимательнее, – усмехнулась птица. “Не знала, что они это умеют”. – Видишь там вдали виднеются поля, а чуть левее и дальше – деревня?

Проследив за крылом Брайнса, указывающим куда-то в сторону, я стала усиленно вглядываться в однотипный пейзаж и, спустя какое-то время, действительно увидела то, о чем говорила птица. Мое зрение в этом мире стало определенно лучше.

– Но как? Всего пару минут назад этого не было! – Я по-

чувствовала, как мои глаза здороваются со лбом.

– Конечно было, – снова снисходительный тон. – Просто ты не обращала на это внимания. Люди ведь такие недалекие, дальше собственного носа ничего не видят.

– Допустим. Но где же эта башня, как ее там...? – Кажется я начинала привыкать к надменности Брайнса.

– Вечности, – подсказала птица. – Она в самом дальнем конце Иннерлэнда.

– Инер-чего?

– Иннерлэнда. – Теперь пришла очередь ворона делать фейспалм. – Этот мир называется Иннерлэнд. – Тонем учителя, объясняющего нерадивому школьнику самое простое правило, начал свои пояснения ворон.

– Когда-то весь этот мир был разделен на четыре больших королевства, в каждом из которых проживала своя могущественная раса. Люди были отличными кузнецами и оружейниками, скрофы – при их упоминании Брайнс брезгливо скривился, – не самые чистоплотные существа, слыли отличными торговцами и пивоварами, лесные жители – феи, нимфы и прочие представители магического сообщества, – следили за сохранностью природы, а эльфийское королевство славилось своими алхимиками и учеными. Также были мелкие племена шаманов, различных культов и изгнанников, не имевших существенное влияние на равновесие мира. Но, после того, как земли Иннерлэнда погрузились в хаос многолетней войны и королевства были разрушены, а люди

и шаманы и вовсе вымерли, остатки когда-то могущественных рас объединились и наш мир стал именно таким, каким ты можешь увидеть его сейчас.

Далее последовал довольно длинный монолог о самых разных исторических и не очень фактах, которые возможно и были весьма интересны, но из-за слишком большого объема информации, почти не воспринимались. Поэтому из всего сказанного вороном я практически ничего не запомнила. Как ни странно, в этот раз Брайнс не скупился на слова. Видимо ворон все же любил разговоры, но только те, которые показывали его интеллектуальное превосходство над собеседником. А так как я ничего об этом мире не знала, речь его продолжалась довольно долго и, возможно, растянулась бы еще на пару часов, если бы не мое желание поскорее отправиться в путь.

– И все же я не понимаю, почему мне нельзя пройти этот путь вместе с Рэем?

– Не удивительно, ты же...

– Да-да, я всего лишь глупый человек. Благодаря вашим стараниям, я больше никогда об этом не забуду.

– Видимо, ты все же немного умнее, чем я думал, – усмехнулся Брайнс.

– Спасибо. – “Мне показалось, или ворон сделал мне комплимент?” – Так вы ответите на мой вопрос?

– Ты должна пройти весь путь сама потому, что твое восприятие реальности уникально. Это не значит, что ты осо-

бенная, – тут же добавил Брайнс, – это значит, что каждый человек по-своему воспринимает все происходящее. А если рядом с тобой будет Рэй, он так или иначе будет влиять на тебя, искажая твою реальность.

– Допустим... – Мой мозг уже отказывался работать. – Я все еще плохо понимаю, что здесь происходит. Возможно, когда я лично все увижу, мне станет легче это понять?..

– А я уж было подумал, что ты не безнадежна... – Вздохнул Брайнс. – Если тебе так не терпится, можешь идти.

Повторять дважды не пришлось: не успел Брайнс закончить предложение, а я уже спускалась по склону небольшого холма, на котором собственно мы и находились все это время, в сторону ярких цветочных полей.

– Но я бы на твоём месте надел что-нибудь более удобное, – добавил ворон как раз в тот момент, когда я, зацепившись тапочком о небольшой камень, собиралась познакомиться с землями Иннерлэнда поближе.

Спасло меня очередное чудо: зажмурившись и готовясь проверить землю на твердость, я так и застыла в паре сантиметров от травы.

– Кар-кар, – раздалось где-то над моей головой. Брайнс смеялся?

– Не смешно, – сказала я, отряхиваясь.

“Пожалуй, идея путешествовать по незнакомому миру в тапочках, действительно не самая лучшая.” – Решила я и, зажмурившись, начала перебирать в голове варианты наибо-

лее подходящей одежды. Когда я вновь открыла глаза, на мне уже красовались удобные красные кеды, ярким пятном выделяющиеся на фоне черной травы, и обычные черные джинсы. Потрепанная черная футболка со следами от кофе и парочкой подаренных временем дырок, осталась прежней. Её я решила оставить, как напоминание о привычной жизни с горячим кофе по утрам, старением и хрупкостью человеческих творений. Почему-то мне казалось очень важным оставить с собой что-нибудь из моего мира. Реального мира. А так как кроме надетых вещей со мной больше ничего не было, выбор пал на футболку. Ну в самом деле, не знакомиться же мне с обитателями Иннэрлэнда в пижамных штанах?

– Неплохо, – оценил мой внешний вид Брайнс. – Но кеды – не гарантия того, что ты вновь не свалишься, – добавила птица и, довольно каркая, полетела по направлению к нашей цели.

На первый взгляд Цветущие поля находились довольно близко от места нашей так называемой стоянки. Минут двадцать пешком, не больше. Но истинное течение времени здесь оставалось для меня загадкой. Впрочем, как и обманчивое расстояние: каждый раз когда нам оставалось пройти всего пару десятков шагов до нужного места, каким-то чудесным образом Цветущие поля отдалялись от нас так, что нам снова и снова приходилось преодолевать один и тоже путь.

Брайнс чувствовал себя в этом мире куда уверенней и дви-

гался намного быстрее, поэтому ему несколько раз приходилось описывать круг над чернеющими полями, возвращаясь обратно ко мне. Его, судя по недовольному карканью, это порядком раздражало. Но нужно отдать должное терпению ворона – за всю дорогу он ни разу не упрекнул меня в медлительности и не одарил очередной порцией “комплиментов”.

Трудно сказать как долго продолжался наш путь: особой усталости я не чувствовала, но пить хотелось ужасно и только мечты о стакане холодной воды заставляли меня двигаться вперед. Однако, когда Брайнс сообщил, что мы почти прибыли, мое настроение заметно улучшилось. Кажется, я даже начала что-то негромко напевать себе под нос.

– А я смотрю, ты смелая, – мой вопросительный взгляд побудил ворона продолжить. – Совсем не боишься, что на твое, с позволения сказать, пение сбегутся все здешних монстры.

– Здесь есть монстры? – От такой новости я встала, как вкопанная.

“Странно, почему я раньше не задумалась над тем, какие они – обитатели этого мира?..”

– Как знать, – задумчиво протянула птица, – Могу сказать только то, что самый страшный монстр в этом мире – ты.

– Брайнс, неужели вы снова хотите меня оскорбить?

– Если бы хотел, ты не задавала бы этот вопрос.

– Но вы только что назвали меня монстром! – Наверное, я никогда не пойму о чем думает эта птица.

– Я так сказал лишь потому, что это правда. Твое сознание – действительно самое страшное и опасное создание этого мира, ведь никогда не знаешь, что оно способно сотворить.

– Мое сознание? – Иногда слова Брайнса заставляют чувствовать себя очень глупо. – Вы говорите так, будто оно – живое...

– Какое глупое дитя, – в сердцах ворон приложил крыло ко лбу. – Ты же помнишь, как создала свои волосы и одежду?

– Помню..., – на всякий случай я все же осмотрела себя, не забыв намотать прядь огненных волос на палец.

– Тогда представь, что твое сознание может придумать и создать все что угодно. – Видимо на моем лице все еще отражалось недоумение, раз Брайнс продолжил свои пояснения, после небольшой паузы, – Например дракона, призрака, зомби... В общем все, на что хватит твоей фантазии.

Такого поворота я точно не ожидала. Внезапно этот мир перестал казаться таким уж радужным и безобидным. “Все, на что хватит моей фантазии... – крутились в голове слова ворона. – Интересно, как далеко сможет зайти мое воображение? И каких монстров оно способно породить?”

– И долго ты еще будешь стоять, как статуя? – В очередной раз вернул меня к реальности Брайнс. Ворон сверился со своими странными часами, не известно как все еще держащимися на его маленькой лапке. – Нам осталось совсем немного.

Пристально посмотрев на меня еще пару секунд, он успо-

каивающе добавил:

– Не бойся. Просто помни, что это всего лишь проекция твоих мыслей.

– Спасибо, – вполне серьезно ответила я, – Постараюсь запомнить.

Дальнейший наш путь прошел в молчании. Напевать больше не хотелось. Да и тишина в Иннерлэнде не напрягала, напротив приятно было слушать тихий шелест травы под ногами, взмахи вороньих крыльев и собственное дыхание.

Дорога действительно оказалась недолгой: уже спустя примерно десять минут привычного мне времени мы добрались до намеченной цели. Цветущие поля встретили нас таким обилием красок, что мне пришлось непроизвольно зажмуриться. Когда я наконец смогла открыть глаза, так и замерла не моргая. Вокруг росли цветы самых разных размеров: одни из них доходили до пояса, другие были настолько большими, что мне пришлось поднять голову, чтобы лучше их рассмотреть. Форма их тоже была самой разнообразной – от привычных бутонов до шаров и даже квадратов! Но было то, что объединяло их в одно целое – все цветы в этом месте были необычайно яркие и приятно пахли смесью корицы, меда и мяты. “Какой странный запах для цветов.” – Подумалось мне. Да и все в этом месте было невероятным. Зрение и обоняние обострились, как никогда прежде.

Никакой эффект 3Д не мог сравниться с тем, что представало моим глазам. Цветы были такими объемными, что стоило

протянуть руку, чтобы потрогать их – в ней оставалась лишь пыль, а сам цветок оказывался в паре миллиметров от ладоней. Воздух казался наэлектризованным и можно было различить в нем мельчайшие крупички и пылинки. Я видела их так отчетливо, что могла ловить руками, как снег.

Осознав возможности своего зрения в этом месте, я стала получше присматриваться к окружающему пространству. Огромные, как мне показалось вначале, цветы оказались разноцветными грибами, очень напоминающими поганки. Только эти были в разы больше. А сосредоточившись на конкретном цветке, я поняла, что могу различить самые маленькие прожилки на каждом из лепестков, сосчитать все тычинки внутри бутона, рассмотреть рисунок на спине маленькой букашки, ползущей по стеблю. Поразительно! Но так отчетливо я никогда еще не видела мир. Внутри каждого цветка была сотня цветов поменьше, а внутри них – тысяча еще более мелких и так до бесконечности. Все складывалось из всего и из ничего одновременно.

Все вокруг казалось живым: растения двигались, шептались друг другу свои истории на неизвестном языке, мерцали волшебным сиянием, меняли свой цвет, запах, размер... Кажется сейчас я поняла, как чувствовала себя Алиса, попав в Страну Чудес.

Воздуха требовалось все меньше и меньше и, спустя какое-то время мне показалось, что я вовсе перестала дышать. Запах однако различался настолько отчетливо, что можно

было точно сказать, какому из сотен цветов он принадлежит. В этот момент, который, кажется, продлился вечность, я ощущала себя сверхчеловеком, эдаким Суперменом, пришедшим с земли. Это одновременно и радовало, и пугало.

“Самый страшный монстр в этом мире – ты, – вспомнились слова Брайнса. – На что еще способен мой мозг?”

– Ты бы хоть рот прикрыла, женщина. У тебя сейчас лицо, как у школьника, увидевшего женскую грудь. – Вторгся ворон в мои мысли очередным замечанием.

– Как будто вы знаете, какое у него лицо, – съязвила я.

– Я знаю куда больше, чем ты думаешь, – многозначительно протянул Брайнс. – Нам туда. – Ворон указал куда-то в сторону.

Проследив взглядом за черным крылом моего спутника, я снова замерла: вдали, окруженное со всех сторон растениями, возвышалось дерево. Оно было таких впечатляющих размеров, что его верхушка терялась где-то в пушистых молочных облаках. “Странно, мне казалось, что все небо над Иннерлэндом черное”, – удивилась я.

– Я думаю, нам стоит поторопиться, – недовольно пробурчал Брайнс и полетел по направлению к дереву.

Сочная зеленая трава так и манила пройтись по ней босиком. Поэтому, недолго думая, я стянула кеды и сделала пару шагов, прислушиваясь к своим ощущениям. Это было странно. Трава была весьма приятной на ощупь, но напоминала скорее прохладный шелк, нежели привычную жестковатую

растительность.

Еще спустя пару шагов мое замешательство усилилось: растения вокруг не просто казались, а действительно были живыми. Они прогуливались парами, ходили друг к другу в гости, устраивали вечеринки и семейные ужины. И все эти перемещения очень затрудняли мой путь. Приходилось то и дело менять траекторию, чтобы не врезаться в очередной цветок или гриб, вставший на моем пути. От Брайнса помощи ждать не приходилось – он уже давно восседал на одной из нижних веток дерева и каркая наблюдал за моими стараниями. Пришлось покрепче перехватить кеды и, недовольно бурча, продолжить свой витиеватый путь.

Наступив ногой на камень и недовольно шикнув от неприятных ощущений, я подняла его к глазам: красивый, переливающийся разными цветами, мерцающий сотнями звезд, наполнивших его изнутри, он напоминал маленькую разноцветную вселенную, от которой невозможно отвести взгляд. Повертев немного диковинную вещицу в руках, я положила ее в карман джинс и поспешила дальше.

Огромное, размером с небоскреб, дерево весьма напоминающее дуб, встретило меня во всем своем величии. На расстоянии вытянутой руки оно казалось еще больше и прекрасней, одним своим видом вызывая благоговейный трепет.

– Поднимайся, – как всегда приказным тоном попросила птица.

Оценив расстояние от земли до ближайшей ветки и

осмотрев подножье дерева на наличие лестницы, я перевела свой, как я надеялась, самый ядовитый взгляд на Брайнса:

– Серьезно? Ну и как мне это сделать?

– А ты сама как думаешь?

Вначале захотелось ругнуться, потом развернуться и уйти, а после мою светлую голову озарила вполне очевидная мысль.

– А что если... – задумчиво протянула я и закрыла глаза.

Спустя несколько секунд, что-то возле меня зашуршало и заскрипело – дерево опускало свои ветви к моим ногам образуя причудливую лестницу, по которой, конечно не без помощи рук, но довольно легко можно было взобраться на самую верхушку.

– О, да ты умнеешь прямо на глазах, – ухмыльнулся ворон.

– Кажется, я начинаю понимать, как это работает, – улыбнулась я в ответ, игнорируя колкость.

Иннерлэнд предстал передо мной во всей своей красоте, отлично обозреваемый с верхушки дерева: густые, почти непроходимые на вид, леса, кристально чистое озеро с водопадом, ниспадающим в него, мелкие деревушки с треугольными башенками невысоких домов и огромная, просто гигантских размеров, темно-серая башня, разрезающая своей острой верхушкой густые облака. От этого вида захватывало дух. Я могла лицезреть целый мир, как на ладони. Еще больше восхищения вызвала обнаруженная в процессе разглядывания особенность собственного зрения: стоило лишь

сконцентрироваться на какой-то отдельной части Иннерлэнда и можно было рассмотреть все до мельчайших деталей, вплоть до эмоций на лицах импозантных жителей.

Потянувшись к карману джинс, я наконец-то достала пачку с заветным никотином и, покрутив сигарету в пальцах, подкурила. Маленький рыжеватый огонек стремительно тлел, оставляя после себя серебристую полоску пепла, раздуваемую легким ветерком. Тонкие струи дыма кружились вокруг ладони в фантазмагорическом танце. Спасительная затяжка обожгла легкие, заставив немного закашляться, выпуская наружу новые порции никотинового тумана. В этом месте даже дым выглядел по-другому – красивее, изящнее. Становился таким же живым, как и все вокруг, не растворяясь в окружающем воздухе, а так и зависая причудливыми узорами, затягивая все вокруг полупрозрачной молочной пеленой.

– Так красиво, – произнесла я на выдохе.

– Полностью с тобой согласен, – ответил немного размытый очередным губительным облаком силуэт ворона.

– Брайнс, а что там – за другими дверями?

– Открывая незнакомые двери никогда нельзя быть уверенным в том, что ты за ними увидишь. – С умным видом заметил ворон.

– И все же? – Лукаво посмотрела на Брайнса, как бы говоря: “я знаю, что ты все знаешь”.

– За другими дверями – другие миры. – Нехотя, но все же

ответил он.

– Есть и другие? – От удивления сигарета выпала из рук и я, чертыхнувшись, потянулась за новой.

– Конечно есть. – К голосу птицы вновь добавились высокомерные нотки.

– А какие они? Похожи на Иннерлэнд?

– Разные. Некоторые похожи, некоторые – нет. – Как всегда лаконично и по делу.

– А я смогу их увидеть?

– Не думаю.

– Но почему?

– Потому, что ты выбрала этот, глупое дитя. – Для убедительности, Брайнс закатил глаза и легонько помотал головой.

– Но как ты узнал, что я попаду именно сюда? Там ведь было с десятков разных дверей, я могла выбрать любую.

– Но ты выбрала именно эту. Впрочем, как и Рэй.

– Да. Но все же...

– Время здесь течет по другому, – сдался ворон. – Для тебя прошло всего несколько секунд, пока ты открыла дверь и шагнула за порог. Я же тем временем уже несколько часов как ждал тебя на дереве.

– Ого. – Больше слов не нашлось, поэтому дальнейшее рассматривание великолепного пейзажа прошло молча, практически в тишине, если не считать доносившихся снизу перешептываний и мерно выдыхаемого мной дыма.

Рэя мы нашли наверху той самой серой башни, которую я заприметила еще на дереве. Он улыбался, сидя на широком подоконнике огромного, метра два в высоту окна, и свесив ноги в пустоту. Было видно, что он получал удовольствие от пребывания в одиночестве в этом мире, но также было понятно, что Рэй меня ждал.

– Ну что, теперь ты скажешь, нравится ли тебе? – Повернулся он в мою сторону и я утонула в меде его глаз.

– Нравится, – уголки моих губ дрогнули.

– Тогда тебе должно понравиться и это, – сказал он поднимаясь и поворачиваясь спиной к опасной пропасти за окном.

Мое сердце бешено забилося о ребра – стало страшно, вдруг Рэй оступится и сорвется вниз.

– Осторожнее, – резко шагнула навстречу к нему.

– Не бойся, – протягивая ладонь, сказал Рэй, – давай руку.

Я протянула ладонь и встала на подоконник рядом с ним.

– Ты мне доверяешь? – Произнес он самый глупый из возможных вопросов и тут же получил утвердительный кивок в ответ. – Тогда пошли.

Сказав это, он шагнул в пустоту за окном, увлекая меня за собой. Я не сопротивлялась – погибнуть вместе с любимым человеком не самая плохая смерть.

Мы летели вниз головой уже несколько метров, рассекая черные облака, которые вскоре закончились, открыв взору

зеленую землю. Ветер закладывал уши, дыхание сбилось, а сердце выстукивало бешеный ритм в груди. Все это время Рэй не выпускал мою ладонь, плотно сжимая ее своими сильными пальцами. Еще спустя несколько метров свободного падения мы стали замедляться, пока не выровнялись в горизонтальное положение. Я не сразу поняла, что произошло, но, повертев головой по сторонам, заметила за спиной у Рэя огромные черные крылья, плавно покачивающиеся на ветру. Точно такие же, только белые, были за спиной у меня. Теперь мы не просто падали, мы – летели. И этот полет был самым захватывающим из всего, что происходило со мной за всю жизнь.

Продолжая держаться за руки, мы летели над землями Иннерлэнда, рассматривая его флору и фауну. Всю дорогу Рэй рассказывал мне истории этого мира, каждый раз забавно щурясь и покусывая нижнюю губу, пытаясь вспомнить очередную интересную историю, связанную с этим местом. Так, незаметно мы подлетели к раскидистому черному дереву. Тому самому, на котором меня встретил Брайнс. А пролетев еще пару сотен метров обнаружили дверь, ведущую, как я предполагала в наш собственный мир.

* * *

С тех пор путешествия в эту сказочную страну стали регулярными. Иногда мы бродили по миру вместе, знакомясь с

его обитателями и наслаждаясь “сверхчувствами”, дарованными Иннерлэндом, а иногда путешествовали по отдельности: Рэй уходил в только ему ведомые места в одиночестве, а я проводила время в компании Брайнса, выслушивая его бесконечные жалобы про бесполезность людского рода в целом и каждого человека в частности.

Иннерлэнд был словно живой организм. Каждый раз он менялся, раскрываясь с другой, не виданной ранее, стороны. Иногда это происходило почти незаметно, например растения меняли свой цвет или появлялись какие-то новые их виды, а иногда изменения были столь масштабны, что приводили меня в полнейшее замешательство. Так, в одну из своих прогулок, я решила пройтись к озеру, которое отчетливо разглядела в первый свой визит в Иннерлэнд, но пройдя по нужной мне тропинке почему-то уткнулась в лес. Брайнс, предварительно от души покаркав, сказал, что такое здесь бывает часто и уверил, что скоро я привыкну и начну чувствовать все изменения. Но, несмотря на всю переменчивость этого мира, он навсегда запомнился именно таким, каким я увидела его впервые с высоты птичьего полета.

Соул: Осколки сознания

"Как бы ты ни старалась оставаться прежней, ты все равно будешь только такой, какая ты сейчас, сегодня."

Рэй Брэдбери «Вино из одуванчиков»

С той безумной, самой длинной в моей жизни ночи про-

шло уже три месяца, но кошмары перестали мучать меня только сейчас. Вначале я, после очередного сна, наполненного отчаянием и болью, просыпалась по несколько раз за ночь, проверяя на месте ли Рэй и все ли с ним в порядке, потом приступы паники сократились до двух-трех раз в неделю, а еще позже пропали совсем. Во всяком случае вот уже две недели я не просыпалась посреди ночи в холодном поту.

Сны мои были разные, совершенно непохожие друг на друга, лишь одна вещь объединяла их – раз за разом Рэй умирал. Иногда это случалось внезапно – из-за взрыва или катастрофы, иногда причиной становилась болезнь, а бывало так, что он сам решал свести счеты с жизнью. И сколько бы раз я ни пыталась его спасти, как бы сильно я ни старалась – ничего не выходило. Рэй умирал. А вместе с ним раз за разом умирала частичка меня.

Вначале мне было просто страшно. Потом стало тревожно. Казалось, что вселенная пытается предупредить меня о чем-то очень важном, о том, что поможет спасти Рэя. Количество окурков в пепельнице на подоконнике росло пропорционально моей тревоге. Но шли дни, ничего не происходило, кошмары посещали все реже и постепенно я успокоилась, вернувшись к привычному ритму жизни. За это время мы ни разу не возвращались в Иннерлэнд.

Так начался июль. Он встретил нас огромным количеством пыли, отсутствием осадков и невыносимой жарой. Спасали только запасы воды и вентилятор. Поэтому я ис-

кренне обрадовалась, когда мне предложили поработать не на улице, а в фотостудии. Конечно, добираться все равно пришлось с боем – отвоевывая кусочек пространства в общественном транспорте, плотно набитом горожанами и стараясь не задохнуться от обилия не самых приятных запахов и отсутствия вентиляции в салоне маршрутного такси. Но работа есть работа. А учитывая тот факт, что заказ на фотосъемку в последний раз у меня был месяц назад, деньги были очень нужны.

Студия встретила тишиной и прохладой многочисленных коридоров. Любезная девушка-администратор провела меня до нужной двери и оставила наедине с восхитительным винтажным платьем. Чуть позже заглянула визажист и помогла мне одеться.

Такая работа мне нравилась. Она позволяла самостоятельно распоряжаться своим временем, выбирать только те предложения, которые были мне интересны, а еще не встречаться с людьми без необходимости. А такая необходимость возникала лишь тогда, когда у нас с Рэем заканчивались деньги. Обычно это случалось примерно в середине месяца, так как почти вся его стипендия уходила на оплату однокомнатной съемной квартиры и мелкие расходы по типу проезда в метро или кофе. На еду, хотя растворимую лапшу и колбасу вряд ли можно было назвать нормальной едой, денег практически не оставалось, поэтому мы оба постоянно искали какие-то мелкие подработки. Просить деньги у мамы

не позволяла совесть, хотя она регулярно пыталась всучить пару-тройку крупных купюр при очередной встрече, а родители Рэя и так зарабатывали гроши, еле сводя концы с концами.

Устроиться на полноценную работу для Рэя означало бросить институт, доучиться в котором оставалось всего год, а для меня – подвергать себя постоянному стрессу вынужденного общения с людьми. А оплата за работу моделью хоть и была мизерной, позволяла кое-как перебиваться, продлевая из месяца в месяц жалкое существование, и избавляя от необходимости постоянного общения и нахождения на улице. Хотя, несмотря на все финансовые трудности, мы с Рэем были счастливы, проводя свободные вечера за просмотром очередного фильма и обнимаясь, укрывшись общим пледом. Как оказалось, для счастья нужно было совсем немного – всего лишь крыша над головой, ментоловые сигареты и любимый человек под боком.

Как сейчас помню свою первую фотосессию, на которую я очень долго не могла решиться. Предложение поступило абсолютно внезапно. В то время мы часто ругались с Рэем из-за катастрофической нехватки денег. Вернее ругался он, а я просто молча слушала, плотнее прижимая к себе одеяло. Я не сомневалась в его любви ко мне, но видимо нервы Рэя все же сдавали от постоянного напряжения в институте и вечной нехватки средств. Поэтому мое извечное сидение перед экраном монитора и абсолютное нежелание выходить

во внешний мир, вызывало приступы раздражения и ярости, заканчивающиеся очередной ссорой.

– Ты абсолютно бесполезна. – Слова, как удар по лицу, больно отпечатались в сознании. – Я стараюсь изо всех сил, но денег все равно не хватает. Могла бы попробовать сделать хоть что-то. Все равно целыми днями сидишь за компьютером.

Оправдываться было бесполезно, поэтому я просто молчала. Рэй тяжело вздохнул.

– Я понимаю, что тебе тяжело. – Он закусил нижнюю губу, подбирая наименее болезненные слова. – Возможно, ты еще не до конца оправилась от болезни. Но, Соул, тебе пора повзрослеть.

В этот раз Рэй не кричал, но в словах чувствовалось столько презрения и яда, что, казалось, я вот-вот захлебнусь в нем. Совершенно растерявшись и не понимая, что делать, я просто натянула кроссовки и, как была – в пижамных штанах и футболке, выбежала на улицу. В голове шумели отголоски недавней ссоры, а сознание пребывало в какой-то прострации, смутно понимая, что происходит вокруг.

Такой меня и застала Мика – бесцельно бродящей по улице в собственном коконе из наушников и отчуждения, надеющейся хоть немного развеяться и привести мысли после ссоры с Рэем в порядок. Она подбежала, как ураган, разгоняя хмурые тучи, нависшие над моей головой, своим донельзя счастливым видом. Я же видела перед собой лишь незна-

комку, размахивающую руками и говорившую что-то вразрез с музыкой в моей голове. Пытаясь обойти назойливую преграду, я сделала шаг в сторону, но девушка настойчиво преградила путь и бесцеремонно схватила за кисть. Отдернув, как от ожога, руку, я все же сняла наушник, решив, что ответив на вопросы смогу быстрее отделаться от непрошеного нарушителя спокойствия.

– Ну слава Богу, докричалась. – Еще шире улыбнулась шатенка, а у меня неприятно свело зубы от упоминания всевышнего. – Меня Мика зовут.

Девушка дружелюбно протянула ладонь для рукопожатия, которая была успешно проигнорирована. Мика немного нахмурилась, сведя брови на переносице, но быстро вернула себе прежнюю доброжелательность и, убрав руку в карман, продолжила:

– Я учусь на фотографа и у меня как раз скоро выпускной экзамен. Нужно сдать свои работы, чтобы получить диплом. – Протараторила на одном дыхании шатенка. – В общем, я модель ищу, а увидев тебя, сразу поняла, что ты идеально подойдешь! Вот же другие обзавидуются, когда увидят, какую эксклюзивную модель я себе отхватила.

Девушка мечтательно прикрыла глаза и даже не заметила, как я пошла дальше, надеясь скрыться с поля зрения, пока она не пришла в себя. Но не успела.

– Постой! – Услышала я за спиной запыхавшийся голос незнакомки. – Я заплачу.

Я остановилась. Деньги были сейчас очень кстати.

– Не обещаю много, потому что сама без работы, – поравнявшись со мной продолжила Мика, сама того не понимая, давя на те самые точки, которые готовы были сломить стену моей категоричности. – В общем, все равно лучше, чем ничего.

Девушка смущенно улыбнулась и, порывшись в карманах, достала измятую визитку.

– Вот, держи – протянула она потрепанный клочок картона. – Позвони мне, если согласна.

Я кивнула и, немного подумав, забрала из протянутой руки визитку.

– Только не затягивай. – Серьезно добавила девушка. – Мне работы нужно сдать до следующего понедельника, так что жду звонка до среды. Не позвонишь – буду считать отказом.

– Хорошо.

– Ну все, мне пора! – Смягчилась Мика и вновь улыбнулась. – Жду звонка!

Шатенка убежала прочь, оставляя меня стоять в полной растерянности с клочком бумаги в руке. Конечно мне нравилось смотреть на красивые глянцевые фото раскрепощенных моделей в журналах и сети, рассматривать фантастические художественные снимки, сделанные будто бы в другой реальности, представлять себя кем-нибудь другим. И предложение странной незнакомки казалось весьма заманчивым,

а учитывая постоянную нехватку денег, еще и выгодным. Но какая же из меня могла получиться модель, если я даже поговорить с посторонним человеком могу с трудом, не говоря уже о том, чтобы раскрепоститься перед камерой?

Я долго думала стоит ли соглашаться на столь неординарное предложение и, когда мой мозг окончательно вскипел и готов был вот-вот взорваться, я все же решилась посоветоваться с Рэем. Ему, как ни странно, идея понравилась.

– Ну вот. – Улыбнулся он. – И денег подзаработаешь и в люди наконец выйдешь. А то совсем уже одичала здесь в одиночестве.

Ближе к вечеру вторника я все же решилась и, достав из кармана ещё сильнее измятую визитку, набрала указанный номер.

– Я вас слушаю, – по деловому веселый голос в трубке.

– Это Соул. Девушка, которую вы пригласили на съемку, – тут же добавила я, вспомнив, что так и не представилась.

– О! Так у шикарной седовласой нимфы есть имя? – Делано удивились на том конце провода, и тут же в трубке раздался смех. – Приятно познакомиться! Ну так, что ты решила? Согласна?

– Согласна. – Обреченно кивнула я, забыв что меня все равно никто не видит.

– Я знала, что ты согласишься! – Весело щебетала Мика. – Тогда жду тебя завтра возле студии.

Девушка продиктовала адрес, который я кое-как успела

записать все на той же визитке и отключилась.

Съемки прошли вполне удачно, если не считать мое чрезмерное волнение, сковывающее все мышцы и мешающее расслабиться. Но вскоре я заметила, что если не обращать внимание на снующего туда-сюда фотографа, представляя себя кем-то другим, тем, кого желает видеть в кадре снимающий тебя человек, то страх и оцепенение постепенно отступают, а нужные позы формируются автоматически.

– Все! Закончили! – Радостный голос Мики вернул меня к реальности. – Смотри, как круто получилось!

Девушка показала на монитор ноутбука, к которому уже успела подсоединить фотоаппарат. Весь экран занимала хрупкая девушка-альбинос в белом винтажном платье, сжимающая бледными ладошками красную розу, ярко контрастирующую на всем этом белоснежном фоне. Блондинка на фото была очень красивой: тонкие, но чувственные, слегка приоткрытые губы, длинные серебристые пряди, обрамляющие аристократично бледное лицо, впалые скулы и огромные серые глаза, подсвеченные вспышкой, отчего их цвет казался красным. Она выглядела настолько нежной и хрупкой, что при одном только взгляде вызывала желание обнять и защитить.

– Ну как? – Все так же жизнерадостно спросила Мика, выглядывая из-за плеча. И откуда в ней столько энергии?

– Это не я... – Все еще не в силах оторвать взгляд от экрана, ответила севшим голосом.

– Конечно же ты! – Засмеялась шатенка. – Вот же ребята на курсах обзавидуются...

Девушка снова мечтательно прикрыла глаза, оставляя меня наедине с собственным портретом.

И ребята действительно обзавидовались. Настолько, что тоже стали приглашать меня на фотосъемки, предлагая небольшую оплату. Конечно предложения поступали не так часто, но пару-тройку рабочих дней в месяц позволяли не умереть нам с Рэем с голоду. Да и скандалы по поводу моего безделья наконец-то прекратились.

Назначенная на сегодня фотосессия была в самом разгаре, когда пустую, не считая меня и фотографа, комнату наполнила жалобная трель телефона, оповещающая о входящем вызове.

“Странно. Рэй обычно не звонит во время своих занятий. Что же могло случиться?”

Тревожные мысли стройным потоком ворвались в мое сознание, мешая сосредоточиться на работе и вызывая приступы паники. Когда вызов повторился я не выдержала и, извинившись, отправилась на поиски смартфона. Он нашелся под завалами одежды и сумок, нагромодившихся на двух свободных стульях в углу комнаты. Номер на дисплее оказался неизвестным и я, еще раз извинившись, вышла за дверь на ходу принимая вызов.

Коридор встретил приятным полумраком и абсолютной тишиной. В трубке первые несколько секунд не раздавалось

ни звука.

– Алло, – никакой реакции. – Кто это?

В ответ раздалось какое-то странное шипение, напоминающее телевизионные помехи. Создавалось впечатление, что звонивший находится где-то далеко, в заснеженной и ветреной местности, куда плохо поступает сигнал.

– Вас плохо слышно. – Еще одна попытка разобрать, кто звонит. – Попробуйте перезвонить еще раз.

Моя рука уже потянулась нажать на сброс, как шум немного утих, позволяя разобрать какой-то шипящий голос. Казалось, будто человек на том конце провода был сильно простужен или боялся кого-то разбудить. Разобрать слова было сложно, поэтому смартфон был поплотнее прижат к уху, а слух обострился до максимума.

– Тебе не скрыться, – хриплый более отчетливый голос заставил дернуться от неожиданности. – Я все равно найду тебя.

По телу пробежала волна мурашек, будто сотни мелких насекомых устроили на нем марафон, а рука крепче сжала мобильный.

– Кто это? Что вам нужно? – Таким же тихим шепотом, но с легкими паническими нотками.

– Беги. Прячься. Я все равно найду тебя. Тебе не скрыться. – Шипяще растягивая слова, повторил пугающий до дрожи голос.

Шипение в трубке нарастало с каждым словом, как и

дрожь моих рук. Свет в коридоре предательски замигал, время от времени погружая его в абсолютную темноту. Страх на грани истерики сковал все тело: не было сил даже пошевелиться, не то что нажать сброс вызова. Голос в трубке все повторял одни и те же слова, которые эхом отдавались в глубине сознания и вызывали новые порции мурашек.

Коридор постепенно начинал менять свои очертания, то удлинняясь, то становясь короче. И было непонятно, что именно вызвало эти изменения: игра света, собственное воспаленное воображение или ожившие наконец кошмары. Стены постепенно расплывались и покрывались странной рябью, похожей на следы ветра на воде. Все пространство искажалось, вызывая головокружение и приступ клаустрофобии, не давая адекватно оценить расстояние до двери студии и вырваться из этого кошмара. Постепенно и без того редкие двери, ведущие в такие же оборудованные декорациями комнаты как та, из которой я вышла, стали исчезать, образуя единый, бесконечно растягивающийся и сужающийся тоннель. Слизкий, как сырой осьминог, ком поднялся откуда-то из желудка и застрял в горле, оплетая своими скользкими щупальцами все внутренности от желудка до голосовых связок, мешая не только говорить, но и дышать. Шум в телефонной трубке все нарастал мешая разбирать слова, но это было и не нужно – они и так отпечатались в сознании и еще очень долго не сотрутся.

Все закончилось так же быстро, как и началось: свет при-

шел в норму, стены вернулись на исходные позиции, а скрежет в трубке прекратился, уступая место ритмичным коротким гудкам сброса. Я рассеянно смотрела на подрагивающий в руках телефон, стараясь сфокусировать взгляд и восстановить дыхание. Ком в горле постепенно опускался вниз, оставляя за собой скользкую и неприятную на вкус дорожку слизи. Когда за спиной раздался голос девушки-фотографа, я вздрогнула – настолько сильно была погружена в себя, что даже не услышала открывающуюся дверь.

– Все в порядке? – Обеспокоенно рассматривая меня, спросила мой работодатель. – Может перерыв?

Видимо я выглядела совсем плохо, раз девушка предложила прервать съемку. Телефон в руке по-прежнему слегка подрагивал, выдавая не прошедшую до конца дрожь, а вторая рука засадила от боли – только сейчас я заметила как сильно впивались ногти в тонкую кожу ладони, образуя на месте соприкосновения глубокие красные полосы.

– Извините, – едва смогла выдавить я. – Если можно я покурить выйду.

– Да без проблем, – улыбнулась девушка. – Все точно в порядке?

– Все хорошо. – Привычная, заученная до автоматизма, фраза, совсем не отражающая действительность.

Фотограф кивнула, удовлетворенная полученным ответом, и двинулась в сторону студийной комнаты. Так же делала и моя мать, совершенно не желающая замечать истинные

чувства собственного ребенка.

Забежав за зажигалкой и сигаретами, я наконец вышла из вызывающих теперь нервную дрожь коридоров на улицу. Летний день беспощадно душил горячим воздухом, но сейчас это было лучше, чем стоять в курилке, от которой у меня и так временами случаются приступы паники и клаустрофобии. Хотя забытые в гримерке солнцезащитные очки определенно не помешали бы.

Спасительная задержка уже достигла легких, когда телефон вновь зазвонил, заставив вздрогнуть и резко дернуться в попытке словить выпадающий из рук смартфон. Попытка оказалась удачной и, спустя пару секунд, я уже смотрела на белую надпись на экране: “Рэй.”

– Алло, – пытаюсь скрыть дрожь в голосе, как можно ровнее произнесла я.

– Все в порядке? – Видимо получилось не очень хорошо.

– Все хорошо. – Не услышав ответа, вздохнула. – Устала просто.

– Я задержусь немного. – Удовлетворившись ответом, перешел к делу Рэй.

Он никогда не любил тратить время на разговоры. Да и поддержка его чаще всего заключалась лишь в тихом нахождении рядом и теплых объятиях. Меня, впрочем, это вполне устраивало.

– Хорошо. – Вышло немного грустно. Стараясь придать голосу максимальной бодрости, добавила – Съемки скоро за-

кончатся. Я буду ждать тебя дома.

– Хорошо. – Я почувствовала как Рэй улыбнулся. Его улыбки имели особый звук, который я могла различать даже сквозь телефонные помехи. Впрочем, все, что было связано с Рэем, было особенным.

Я улыбнулась, мысленно благодаря вселенную за то, что подарила мне пусть и единственного, но такого прекрасного человека рядом, и сбросила вызов.

* * *

Однокомнатная гостинка встретила абсолютной тишиной, если не считать, ставшего уже таким привычным, гудения старого холодильника, которое первые полгода жизни в этой квартире заставляло в ужасе вскакивать по ночам и проверять, не ломится ли кто в квартиру. Хотя, даже если кто-то бы и захотел ограбить наше скромное жилище, брать там все равно было нечего, разве что старенький побитый жизнью ноутбук, да электрочайник. В остальном же квартира была более чем скромной: местами продавленный двуспальный диван, прикроватная тумба с нашей с Рэем совместной фотографией в рамке, письменный стол, с местами облупившейся краской и давно не закрывающийся шкаф. Благо, что была отдельная ванная комната, а наличие в коридоре маленького кухонного стола и электропечки избавляло от необходимости торчать на общей кухне.

Разувшись и налив чашку зеленого чая, я, как была в одежде, с облегчением опустилась на кровать, смотря в одну точку и бесцельно колупая надорвавшиеся обои, которые давно пора было сменить. Кружка с горячим напитком приятно согревала ладонь, а пар, поднимающийся над чашкой и равномерно растекающийся по пространству вокруг, создавал ощущение легкого тумана, завораживая витиеватостью молочно-белых линий. Думать ни о чем не хотелось, поэтому, допив ароматный напиток и накрывшись с головой одеялом, я погрузилась в беспокойную дремоту.

Рэй пришел ближе к полуночи, уставший и раздраженный. Звук открывающейся двери вывел меня из состояния полусна. Тело протестующе ныло, пытаясь восстановить кровообращение после долгого лежания в неудобной позе. Я услышала как ударились ключи о деревянную поверхность кухонного стола и поспешила выйти к любимому.

– Как прошел день? – Моя улыбка так и не встретила отклика в родном лице. – Что-то случилось?

– Просто устал. – Вздохнул Рэй и потянулся к чайнику.

– Лапшу? – Утвердительный кивок. – Иди переодевайся, сама залью.

Пока закипал чайник, я достала из настенного шкафчика упаковку быстрорастворимой лапши и глубокую тарелку, высыпала в нее содержимое упаковки и ждала заветного щелчка, оповещающего о закипании чайника.

– Ты снова перечитываешь эту книгу? – Послышался го-

лос Рэя из комнаты.

– Какую книгу? – Я выглянула из кухни, чтобы посмотреть о чем он говорит. – А, ну да.

Как раз в этот момент Рэй перекладывал томик Мураками с дивана на книжную полку.

– Тебе не надоело перечитывать одно и то же? – Снисходительно улыбнулся он.

– Знаешь, чтение хорошей книги – как секс. Вроде бы каждый раз одно и то же, но ведь все равно приятно. – Глубокомысленно заметила я, сама поражаясь собственной мудрости (видимо от Брайнса заразилась) и, улыбнувшись озадаченному Рэю, снова скрылась на кухне.

За окном поднялся ветер, заставляя близ растущие деревья биться ветками о стекло, будто прося убежище в нашем и без того крохотном доме. Раздался раскат грома, вызвавший у оконных стекол нервную дрожь. А спустя десяток секунд горизонт рассекло напополам яркой вспышкой молнии. Начиналась гроза. По подоконнику и крыше одна за другой с глухим стуком ударялись большие прохладные капли, создавая непроницаемую стену из дождя, за которой практически невозможно рассмотреть ни соседний дом, ни бегущих в укрытия прохожих. Только деревья еще сильнее и жалобнее застучали в окно своими руками-ветками в надежде найти пристанище.

Вообще я люблю дождь. Особенно летний. Но с тех пор, как мы переехали в эту квартиру, он стал доставлять некото-

рые неудобства. Вот и в этот раз ничего не оставалось, кроме как достать пару железных мисок и по проторенному маршруту расставить их на полу в коридоре и ванной, наблюдая как первые капли, просачивающиеся сквозь непрочную крышу, ударяются со звоном об их железную поверхность.

Залив лапшу кипятком и прихватив с собой тарелку, я зашла в комнату к Рэю. Он уже сидел в домашней одежде за столом, покусывая нижнюю губу и вяло щелкая по страницам соцсетей курсором мышки, и обратил на меня внимание лишь тогда, когда миска с плавно поднимающимся вверх ароматным паром оказалось у него перед лицом. Запах приправы постепенно наполнял комнату, заставляя слюнные железы работать активнее, хотя есть на самом деле не хотелось.

– Спасибо. – Благодарно кивнул Рэй. Не услышав ничего в ответ, он внимательнее посмотрел в мои глаза. – Что-то случилось? Днем мне показалось ты была чем-то взволнована.

Забравшись на диван с ногами и поплотнее укутавшись в плед, я не отрывая взгляд от оказавшегося в руках телефона, нервно раскручивала его в ладонях. Черный металл корпуса приятно охлаждал кожу, немного отвлекая от мыслей о предстоящем разговоре.

– Мне кто-то звонил сегодня во время съемки. Незнакомый номер. Они говорили странные вещи. – Подняв наконец глаза, я встретила с вопросительным взглядом Рэя.

– Что именно они сказали, Соул?

– Мне показалось, – замялась я, подбирая наиболее под-

ходящие слова. – Нет. Они точно угрожали мне.

О странных галлюцинациях я предпочла промолчать.

– Кто – они? – Черная бровь взметнулась вверх, а нижняя губа была подмята в привычном жесте.

– Я не знаю. – Выдохнула, отводя взгляд.

– Но номер-то у тебя остался?

Кивнув, я протянула Рэю мобильник, который все еще находился в руках. Он долго всматривался в экран монитора, нажимая на какие-то клавиши. Брови его с каждой секундой хмурились все сильнее, почти сливаясь в одну сплошную линию, а нижняя губа уже ощутимо покраснела от постоянного покусывания.

– Здесь ничего нет, – наконец выдохнул он, протягивая гаджет обратно.

– Но как?

Я проверила входящие и легкий холодок прошелся по моей спине – номера неизвестного абонента, так напугавшего меня сегодня днем, не было, как любых напоминаний о входящем вызове.

– Но мне точно кто-то звонил днем! – Фраза получилась слишком громкой, но меня это мало волновало сейчас. – Ты мне не веришь?

– Верю, – почти шепотом ответил Рэй, но его взгляд говорил об обратном.

Тишину, воцарившуюся в комнате, нарушали лишь завывания ветра за окном и мерное постукивания капель о рас-

ставленную по прихожей посуду.

Иннерлэнд: Легенды другой стороны

Человеческая жизнь не так примитивна, чтобы делить ее только на мрачные и светлые стороны.

Между светом и мраком – миллионы теней и переходных оттенков.

И разумный человек всю жизнь учиться их различать.

Харуки Мураками “Послемрак”

Есть такое место в Иннерлэнде, где все времена и истории сливаются в одно целое, в один почти священный грааль, оказавшись внутри которого можно пережить сотни жизней – своих и чужих, увидеть тысячи историй, каждая из которых будет фантастичнее предыдущей, но все они окажутся правдой. Там же можно узнать миллионы вариантов будущего, запомнить их и, следуя выбранному сценарию, изменять свою жизнь. Место это зовется деревней Забвения. И хоть назвать его деревней можно с большой натяжкой, все же там обитают странные и немного волшебные существа: скрофы – люди с кабаньими головами, управляющие местными тавернами, в которых, к слову сказать, подается вкуснейший скрофский эль и отвратная еда из потрохов и сухожилий диких животных; милые лесные феи, которые ежедневно трудятся, как пчелки, ухаживая за растениями, выращивая овощи и фрукты невероятных размеров и фантастических на вкус, а также обеспечивающих домашний уют; эльфы, по-

ражающие своей неземной красотой, весьма эгоистичные и грациозные, они видимо и были созданы лишь для того, чтобы радовать глаз окружающих; там же проживает единственный оставшийся в живых Коон – огромный енот-шаман, постоянно дымящий трубку с каким-то странным пряным табаком, изредка выходящий из астрала, чтобы изречь жителям деревни свою очередную мудрость. В этой же деревне я повстречала довольно странного и импозантного Принца Тьмы – существо очень похожее на человека внешне, абсолютно прекрасное снаружи, но какое-то уж очень странное и холодное. Но тут возможно сказались эльфийские корни, явно прослеживающиеся по тонким чертам лица, высокому и худощавому телосложению и немного заостренным ушам. Местные поговаривали, что сам архиэльф когда-то заключил сделку с демонами преисподней и отдал свою дочь в расплату за исполнение своих желаний. Что произошло с бедной девушкой осталось загадкой, но больше ее никто не видел. Однако, спустя несколько сотен лет, Эльдар, или как его называли забвенчане – Принц Тьмы, появился возле главных ворот деревни – человек (или почти человек) без возраста и прошлого, явно асоциальный и очень похожий на пропавшую давным-давно эльфийку.

Познакомившись со всеми этими яркими и необычными личностями, я почувствовала себя здесь немного лишней. Обычной. Посредственной. Даже то, что я родилась альбиносом не спасало.

“Раз ты попала в Иннерлэнд – значит ты не просто обычная смертная”, – сказал мне как-то шаман в минуту своего просветления. И это не могло не радовать.

В чем собственно заключалась моя необычность я так и не поняла, а все мои дальнейшие расспросы Коона на эту тему не увенчались успехом – он лишь отмахивался от меня своей огромной лапой и бормотал: “Всему свое время, крошка. Всему свое время”, еще глубже погружаясь в транс.

Темный Принц на деле оказался довольно спокойным и вполне милым собеседником, при условии что ты просто сидел и слушал его рассказы. Его мало кто любил в деревне, поэтому я часто заставляла Эльдара одиноко сидящим на берегу озера. Он сидел неподвижно, чуть сторбившись, глядя своими огромными печальными глазами цвета утреннего неба на то, как с небольшой горы, стекает в ровную гладь озера пенная горная вода. Глаза были единственным “живым” пятном на всегда равнодушном и отстраненном лице и лишь в такие моменты на нем застывала маска безграничной скорби, а мысли были столь далеко, что присутствие постороннего замечалось лишь когда я садилась рядом.

– Снова ты, – каждый раз приветствовал он, выдерживая свой самый холодный и пренебрежительный тон, даже не взглянув в мою сторону.

– Снова я, – каждый раз звучало в ответ.

– Опять сидишь здесь один? – Скорее утверждение, чем вопрос.

–Хм, – весьма многозначительно. – Как-то все не очень меня жалуют, если ты не успела заметить.

– Не все. – Руки невольно сжались в кулаки. Я отлично понимала, каково быть на месте Эльдара, каково быть изгоем.

Тёмный Принц наконец оторвал свой взгляд от озера. Оторвал, и тут же приклеил к моим глазам, вглядываясь в них столь внимательно, будто мог таким образом проникнуть в душу. На какую-то секунду мне даже показалось, что в его зрачках пронеслась вся моя жизнь, а после они вспыхнули алым пламенем, который погас лишь когда Эльдар вернулся к созерцанию озера. Волоски на моих руках встали дыбом.

– Хм, – на этот раз он усмехнулся. – Уж не себя ли ты имеешь ввиду?

– А если и так? – Бросила с вызовом, явно диссонирующим с легкой паникой, царившей в моей голове.

– Если так, то у обитателей вашего мира явно притуплены чувства страха и самосохранения. – С подобием смешка сострил Эльдар, но на лице не дрогнул ни один мускул.

– Это не... – Начала было я, но и сама не знала, что хочу сказать. Отрицать что-либо в данной ситуации абсолютно бессмысленно, впрочем как и соглашаться.

Темный Принц вновь повернулся ко мне и на этот раз лицо на его лице так и осталась тень вселенской печали. Голос однако звучал все еще холодно и отстраненно.

– У всех есть темная сторона, Соул. Даже у тебя.

Я так до конца и не поняла, что он имел ввиду. Мы были похожи, отчего я сразу почувствовала эту тонкую связь и именно поэтому так хотела получше узнать Эльдара. Мне казалось, что только так мы оба можем избавиться от призраков прошлого, которые так отчетливо отражались в озерной глади, когда мы заглядывали в озеро Бытия. С каждым словом Темного Принца я убеждалась в этой нашей похожести и в том, что он не такой бездушный, каким хочет казаться. Видимо он тоже понял это, каким-то образом прочитал мои мысли, вытянул душу своим пронизывающим взглядом. И эта его фраза – лишь подтверждение тому, как яростно он сражается со светом внутри, стараясь стать именно тем, кого в нем все так хотят видеть.

* * *

Почему-то все жители Иннерлэнда любили говорить загадками, редко давая прямые ответы на поставленный вопрос. Вначале мне казалось, что это изюминка, запатентованная Брайнсом, который так любит разрушать мое хрупкое внутреннее равновесие. Но спустя пару визитов в Иннерлэнд и нескольких новых знакомств я заметила такую особенность практически у всех жителей этого мира. Хотя, слушая их разговоры, не возникало ни малейшего сомнения в том, что они отлично понимают друг друга. Недосказанные

вопросы, совершенно не относящиеся к ним ответы, глубокомысленные кивки головой – казалось в Иннерлэнде был собственный язык, хотя все произносимые слова были вполне знакомыми. Видимо им и не нужны были слова – сказывалось воспитание и долгие годы жизни в одной среде, позволяющие понимать друг друга на особом, ментальном уровне. Меня же такая недосказанность порядком раздражала, заставляя по крупицам собирать информацию и складывать все кусочки мозаики воедино, пытаюсь понять смысл сказанных ранее слов. Пока удавалось плохо. Единственное на что не скупилась местные жители – это легенды и сказки. Они слушали и рассказывали их с особым упоением, только так раскрывая значительные и не очень факты собственной истории. Иногда мне даже удавалось понять о чем именно они говорят. Но случались такие озарения довольно редко.

Эльдар знал сотни, даже тысячи фантастических и не очень историй, которые с удовольствием рассказывал всю ночь напролет у горящего разноцветным пламенем и разбрасывающего во все стороны столпы мерцающих искр костра. И хотя жители деревни относились к нему с осторожностью, многие из них все равно приходили послушать Темного Принца. Я тоже часто подсаживалась рядом, обмотавшись теплым пледом, любезно выданным мне одной из местных лесных фей, и слушала, представляла и проживала эти бесконечные, захватывающие истории о драконах и принцессах, о демонах и кровавых войнах, о магических артефактах и

простых человеческих героях и много еще о чем таком, что тяжело было даже представить простому смертному, коротавшему свою брэнную жизнь на земле, в надежде проникнуться наконец духом этого странного места и хоть немного приоткрыть завесу всеобщей недосказанности.

Придя в один из вечеров к привычно горящему костру и опустившись на сырую землю возле Принца, я вновь была готова погрузиться в бесконечный мир его фантастических историй, благодаря которым его лицо сбрасывало привычную маску, а глаза приобретали тот печально-ностальгический оттенок, который так ему шел.

– Давным-давно, – заговорил низким и немного таинственным голосом Эльдар, – когда Иннерлэнд еще был разделен на части, а деревни Забвения и вовсе не существовало, родился в королевской семье эльф небывалой красоты. Даже среди своих соплеменников выделялся он необычайно выразительной внешностью. Но не только красота досталась ему от предков – мальчик рос и становился все умнее и проворнее: к двенадцати он уже умел стрелять из лука не хуже любого охотника и орудовать двумя клинками, как опытный воин, к шестнадцати – знал несколько языков и умел ловко вести переговоры, а к восемнадцати и вовсе прослыл самым мудрым эльфом королевства. И, казалось бы, ему самой судьбой было начертано стать королем, но было у него два старших брата, а по закону, не только у эльфов писанному, трон переходил лишь к старшему наследнику.

Шли годы, прекрасный эльф уже успел жениться и воспитать не менее прекрасную дочь. Его красота с годами не увядала, а ум становился только острее. Одно лишь не давало покоя принцу – на троне вот уже лет пять восседал его старший брат. И так проела его изнутри жгучая зависть, не давая спокойно спать, преследуя в бодрствовании и не отпуская ни на минуту, что решил он на отчаянный шаг – выйдя глубокой ночью из замка, в котором крепко спала вся его семья, натянув посильнее капюшон плаща на лицо, отправился он в самое темное место эльфийского царства, то место, где по легендам соединялся наш мир с миром демонов, обитающих где-то глубоко под недрами Иннерлэнда.

Добравшись к огромному многовековому дубу, расположившемуся на самой окраине эльфийских земель, вечный принц начертил одним из своих клинков ритуальный круг на сырой земле под величественным деревом, тем самым, что по сей день возвышается в гуще цветочных полей Иннерлэнда, разрезал левую ладонь и, окропив собственной кровью центр пентаграммы, встал на колени, взывая ко всем демонам преисподней, в надежде, что откликнется хотя бы один. И он откликнулся. Явился в образе человека, с огромными бараньими рогами, глазами, пылающими огнем, да копытами вместо ног. Он, грозно взирая на нарушителя спокойствия, медленно шествовал к центру круга, а когда подошел почти вплотную к эльфу, презрительно хмыкнул и сотряс землю громогласным басом, от которого кровь стыла в жилах:

– Я знаю за чем ты пришел, эльф. И я, так и быть, выполню твою просьбу. Но, как ты и сам понимаешь, я потребую плату.

– Все что угодно, мой господин. – Принц поклонился так низко, что испачкал свой бледный лоб сырой землей.

Если прекрасный эльф и испугался в тот момент, то виду не подал.

– Хм... Я думаю твоя дочь будет достаточной платой за трон, – усмехнулся демон. – Я как раз подыскивал себе жену.

– Но, господин... – Замялся было наш герой.

– Ты хочешь или нет быть королем?

– Хочу, – тяжело вздохнув, молвил эльф.

– Тогда по рукам, – сказал демон и протянул свою огромную ладонь.

Судорожно всхлипнув, принц протянул руку в ответ. Когда их плоть соприкоснулась, в воздухе возник обожженный по краям, местами все еще тлеющий пергамент с текстом на неизвестном для эльфа языке.

– Согласен ли ты, эльф, отдать свою дочь мне в жёны и больше никогда ее не видеть и не пытаться вернуть, взамен на самую могущественную армию и трон короля?

– Согласен.

Как только соглашение было достигнуто, на левой ладони принца появилась кровоточащая подпись. То же произошло и с рукой демона. Несколько секунд обе раны наливались густой алой жидкостью, после чего исчезли, оставив свои ко-

пии на тлеющем куске пергамента.

Получив желаемое, повелитель преисподней исчез и в ту же секунду замок содрогнулся от жуткого крика юной и прекрасной эльфийки, спустя секунду вновь погрузившись в звенящую тишину. Когда прислуга добежала до ее комнаты, та уже опустела. Не было следов взлома, похищения или бегства. Девушка просто исчезла глубокой ночью из собственных покоев и больше ее никто никогда не видел.

Земля разверзлась и армия невиданных доселе существ кинулась в бой, следуя приказам своего повелителя – младшего из эльфийских принцев. Они были жестоки и беспощадны. Разрывая свои жертвы на куски острыми клыками, они уничтожали всех, кто хоть немного противился власти нового короля. Внешне похожие на людей, повинувшись желанию вкушать свежую плоть, они превращались в огромных чудовищ, покрытых шерстью, с головой большой собаки, острыми и длинными когтями и такими же зубами. Эти твари были необычайно сильными и выносливыми. В отличие от обычных воинов, чтобы их ранить нужно было по меньшей мере пять стрел. Их было много, раза в три или четыре больше, чем солдат короля, поэтому, когда эльфийская армия была полностью повержена, существа стали лакомиться обычными жителями. Позже этих монстров прозвали оборотнями.

Эльфийское царство утонуло в пучине боли и отчаяния и только один из них наслаждался происходящим. Прекрас-

ный эльф с легкостью расправился со своими братьями и занял такое желанное место на троне, став жестоким тираном для своего народа. Так одно из самых светлых и мирных королевств Иннерлэнда погрузилось во тьму.

На несколько минут все вокруг утонуло в звенящей тишине, нарушаемой лишь едва слышным потрескиванием костра. Дотлевающая сигарета обожгла мои пальцы, выведя наконец из оцепенения, а последняя затяжка придала решимости нарушить тишину:

– А что случилось с королем и его пропавшей дочерью потом?

– Его дочь, как и было указано в договоре, стала женой одного из демонов. Позже у нее родился сын, такой же прекрасный, как и его мать. Он всю свою жизнь прожил в преисподней, вдали от солнечного света, пения птиц и прочих радостей жизни на земле. Однажды он узнал о том, что сотворил его дед и, несмотря на свое полудемоническое происхождение, разразился праведным гневом и всего единожды воспользовался силой, дарованной по наследству. Наперекор отцу, он призвал всех оборотней, бродивших теперь по Иннерлэнду без какого-либо контроля и разоряющих его земли, и обрушил всю эту армию на эльфийского короля. Не ожидавший предательства собственных воинов, король предпочел свести счеты с жизнью самостоятельно, не дожидаясь пока его разорвут на части и съедят. Заперевшись в одном из залов дворца, он выпил яд и, спустя пару минут,

скончался.

Позже племя коонов, не выдержав бесчинства жестоких тварей, пожертвовав своими жизнями, использовало всю силу своих предков и изгнало оборотней обратно в преисподнюю. Но даже их силы не хватило, чтобы уничтожить всех существ – поговаривают, что до сих пор они встречаются в густых лесных чащах Иннерлэнда.

Сын эльфийки и демона был изгнан за неповиновение отцу из подземного царства. Больше о нем ничего не известно. Вот собственно и все. – Закончил свой рассказ Эльдар.

– Какая жестокая легенда. – Прошептала я.

– Ха, – усмехнулся шаман, – это вовсе не легенда, крошка.

– Да не может такого быть! – Неужели они думают, что я могу в это поверить?

– Боюсь, что может, – как-то горько усмехнулся Темный Принц, вновь становясь привычно холодным.

– Да ну? – Не скрывая сарказма, который так и сочился из каждого слова. – Ты так уверен? Разве ты не слишком молод, чтобы знать наверняка?

И почему всем так нравится выставлять меня полной идиоткой?

– Это я натравил армию оборотней на своего деда. – Едва слышно, но очень уверенно сказал Эльдар.

– Вот те на, – протянул, затягиваясь трубкой Коон.

Вокруг снова воцарилась тишина, но куда более гнетущая и вязкая, чем в первый раз. Так я узнала, что не все существа

Иннерлэнда хорошие.

Соул: Лица-маски

– Эй-эй... Ты чего это, в обморок падаешь?

– Нет. Это у меня так душа в пятки уходит. Зримо.

Мариам Петросян «Дом, в котором...»

Ритмичное монотонное бульканье усиливалось, заполняя собой крохотную кухню. Облокотившись о косяк стола, я неспешно потягивала сигаретный дым, добавляя к образовавшемуся шуму туманную пелену, и наблюдала за маленьким волшебством, происходящем за толстым слоем температуроустойчивого стекла. Смотреть на то, как закипает вода в чайнике – увлекательнейшее занятие. В начале на самом дне образуются маленькие пузырьки, поднимающиеся вверх и лопающиеся где-то на середине. Потом они крепнут, становятся больше и поднимаются выше, а когда вода закипит окончательно – достигают наконец поверхности, покрывая ее всю и заставляя покачиваться в такт своим движениям. “Красиво” – в очередной раз подумалось мне, пока я наблюдала за этим маленьким волшебным действием, готовя утренний кофе. Только ради этого стоило покупать прозрачный чайник.

Не смотря на довольно раннее утро, солнце уже вовсю грело, пробиваясь сквозь неплотно закрытые шторы, освещая маленькую комнату. Рэй полусонно ворочался на кровати, пытаясь проснуться и успеть таки на первую пару. У меня

же сегодня была назначена очередная съемка, на этот раз с Микой – моим самым первым фотографом. Именно поэтому сегодня мы с Рэем встали практически одновременно, хотя обычно я еще очень долго валяюсь в кровати после его ухода. В честь такого события обязанность приготовления утреннего кофе легла на мои плечи.

Я улыбнулась, наблюдая как Рэй путается в штанинах, пыхтит и, чуть не падая, пытается натянуть свои джинсы. Он такой милый по утрам, что невольно возникает желание не выпускать его из квартиры, что я и озвучиваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.